

АВТОР
БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ЛЕДОКОЛ» И
«АКВАРИУМ»

ВИКТОР СУВОРОВ ВЫБОР

КОГДА ДРУЗЬЯ СТАНУТ ЕЕ ВРАГАМИ,
А ВРАГИ — ДРУЗЬЯМИ,
НА ЧЬЮ СТОРОНУ ОНА ВСТАНЕТ?

новое издание,
дополненное
и переработанное

★★★★★

продолжение повести
«Змеед» и романа
«Контроль»

ВИКТОР
СУВОРОВ
ВЫБОР

★★★★★

КНИГИ ВИКТОРА СУВОРОВА

Освободитель

Аквариум

Ледокол

День М

Тень победы

Беру свои слова обратно

Самоубийство

Очищение

Кузькина мать

трилогия «Последняя республика»

Последняя республика

Святое дело

Разгром

повести и романы

Змеед

Контроль

Выбор

опубликованы на английском языке

Inside the Soviet Army

Soviet Military Intelligence

Spetsnaz

The Chief Culprit

киносценарии

Контроль

ВИКТОР СУВОРОВ ВЫБОР

*Остросюжетный исторический роман
об операциях сталинской разведки
в Европе накануне Второй мировой войны*

*Продолжение повести «Змеед»
и романа «Контроль»*

**НОВОЕ ИЗДАНИЕ,
ДОПОЛНЕННОЕ
И ПЕРЕРАБОТАННОЕ**

ДОБРАЯ КНИГА

УДК 821.161.1

ББК 84

С89

Суворов, Виктор.

Выбор / Виктор Суворов. — М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2012. — 416 с., 12 отд. л. ил.

ISBN 978-5-98124-569-5

Остросюжетный исторический роман Виктора Суворова «Выбор» завершает трилогию о борьбе за власть, интригах и заговорах внутри руководства СССР и о подготовке Сталиным новой мировой войны в 1936–1940 годах, началом которой стали повесть «Змеед» и роман «Контроль». Мы становимся свидетелями кульминационных событий в жизни главных героев трилогии — Анастасии Стрелецкой (Жарптицы) и Александра Холованова (Дракона). Судьба проводит каждого из них через суровые испытания и ставит перед нелегким выбором, от которого зависит не только их жизнь, но и будущее страны и мира. Автор тщательно воссоздает события и атмосферу 1939-го года, когда Сталин, захватив власть в стране и полностью подчинив себе партийный и хозяйственный аппарат, армию и спецслужбы, рвется к мировому господству и приступает к подготовке Мировой революции и новой мировой войны, чтобы под прикрытием коммунистической идеологии завоевать Европу.

Прототипами главных героев романа стали реальные исторические лица, работавшие рука об руку со Сталиным, поддерживавшие его в борьбе за власть, организовывавшие и проводившие тайные операции в Европе накануне Второй мировой войны.

В специальном приложении собраны уникальные архивные снимки 1930-х годов, рассказывающие о действующих лицах повести и прототипах ее главных героев.

Издательство «Добрая книга»

Телефон для оптовых покупателей: (495) 650 44 41.

Адрес для переписки/e-mail: mail@dkniga.ru

Адрес нашей страницы в Интернете: www.dkniga.ru

Все права защищены. Любое копирование, воспроизведение, хранение в базах данных или информационных системах, передача в любой форме и любыми средствами — электронными, механическими, посредством фотокопирования, записи или иными, включая запись на магнитный носитель, — любой части этой книги запрещено без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Виктор Суворов, 1996, 2011.

© ООО «Издательство «Добрая книга», 2011 — издание на русском языке, оформление.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	56
Глава 7	70
Глава 8	81
Глава 9	89
Глава 10	99
Глава 11	109
Глава 12	117
Глава 13	125
Глава 14	131
Глава 15	141
Глава 16	147
Глава 17	156

Глава 18	164
Глава 19	171
Глава 20	178
Глава 21	184
Глава 22	195
Глава 23	202
Глава 24	209
Глава 25	214
Глава 26	223
Глава 27	236
Глава 28	245
Глава 29	259
Глава 30	273
Глава 31	282
Глава 32	297
Глава 33	303
Глава 34	320
Глава 35	329
Глава 36	339
Глава 37	349
Глава 38	356
Глава 39	365
Эпилог	374

Виктор Суворов о своих книгах и о себе .. 385

ПРОЛОГ

— **М**инуту на размышление не даю. Требую мгновенный ответ без размышлений: вопрос — тут же ответ.

— Хорошо.

— Даже не мгновенный — требую, чтобы вы отвечали на мой вопрос, не дослушав его до конца.

— Ясно.

— Вопрос будет не совсем обычным, но я должен услышать ответ еще до того, как успею вопрос полностью высказать.

— Понимаю.

— Мне нужен первый душевный порыв.

— Хорошо.

— Готовы отвечать?

— Готова.

— Итак, вы хотели бы стать королевой Испа...?

— Да, товарищ Сталин.

ГЛАВА 1

1

Лужи он больше не обходит. Незачем. Ветер давно унес шляпу, а дождь вымочил его до последней пуговицы, до последнего гвоздика в башмаках. Вымочил сквозь плащ и пиджак. Вымочил так, что носовой платок в кармане — и тот выжимать надо. Хлещет дождь, а он идет сквозь ветер и воду. Он идет всю ночь, весь день и снова ночь. Вымок он не только сверху вниз от макушки до пояса и ниже, но и снизу вверх — от подошв до пояса и выше. Обходи лужи, не обходи — без разницы. Он идет из темноты в темноту. Он идет, нахохлившись, голову — в воротник.

Отяжелел воротник. Водой пропитался. С воротника за пазуху — струйки тоненькие. Если шею к воротнику прижать, то не так холодно получается. Вот он шею и прижимает к воротнику, согревая и ее, и воротник.

Ветру показалось мало одной только шляпы, потому норовит он еще и плащ унести. Терзает ветер сразу со всех четырех сторон. Нездешний ветер. Скандинавский. С запахом снега. Потому холодно. Потому зубы стучали-стучали, да и перестали: скулы судорогой свело, не стучат больше зубы.

Дождь тоже не здешний, не берлинский. Длинные перезревшие капли с кристалликами внутри. Капли — не типа «бум-бум», а типа «ляп-ляп». По черным стеклам домов так и

ляпают. А попав под ноги — шелестят капли, похрустывают.

И только пропитав ботинок и отогревшись слегка, в обыкновенную воду те капли превращаются и чавкают в ботинках, как в разношенных насосах: чвак-чвак. Тяжелые, набрякшие штанины облепили ноги. Вода со штанов ручейками — какой в ботинок, какой мимо. А из мрака на него — страшные глаза: «Рудольф Мессер — чародей».

И с другой стены, из темноты, смотрят на вымокшего те же глаза: «Рудольф Мессер — чародей». И с третьей. Со всех стен Берлина чародеевы глаза темноту сверлят. Афиши в три этажа. Дождь по тем афишам хлещет. Рвет ветер водяные потоки с крыш, дробит их и в глаза чародею бросает, но только глаза притягивающие в тусклом свете фонаря смотрят сквозь воду, пронизывая ее.

Вымокший остановился во мраке — струи по лицу, как по афише. Посмотрел себе под ноги, потом решил и глянул в чародеевы очи.

У-у, какие.

2

— Товарищ Холованов, что вам известно о человеке по имени Рудольф Мессер?

— Товарищ Сталин, это всемирно известный иллюзионист и гипнотизер.

— Это я знаю, а кроме меня это знает каждый. Я не желаю слышать от вас то, что знает каждый. Ваша работа — сообщать мне то, чего никто не знает, то, что даже мне неизвестно.

— У меня такие сведения есть.

— А кто он по национальности, этот самый Рудольф Мессер?

— Он объехал весь свет. В любой стране — свой, везде — дома, любой язык ему родной. Происхождения он темного. Последние месяцы живет в Берлине, но немцы его немцем не считают.

- Кем же его считают?
- Поляком.
- А поляки кем его считают?
- Русским, товарищ Сталин.
- В этом случае, кем же его считают русские?
- Чистокровным немцем.

3

У огромных афиш «Рудольф Мессер — чародей» кое-где углы оторваны. Люди рвали, и ветер с дождем. И по огромным афишам то там, то тут — небольшие совсем афишки глянцевые: на алом фоне то же лицо, те же магнитного блеска глаза, только текст другой: «Рудольф Мессер — враг народа и фатерланда». А под портретом — цифра: единичка и много нулей.

Усмехнулся вымокший: дорого в гестапо людей ценят.

4

В Москве глухая ночь. В Москве тяжелый дождь. Дождь со снегом. Вернее — не дождь, не снег, а среднее между ними: толстопузые капли с кристалликами внутри. Казалось бы, если обычные капли лупят как в барабан, так эти, с кристаллами, и подавно должны дробь выколачивать. Так нет же — мягенько эдак по окну шлепают: шлеп-шлеп. Неестественных размеров капли, как мичуринские груши в учебнике ботаники для пятого класса.

Когда-то очень давно голодный, насквозь промокший Сталин уходил по воде, по лужам. Уходил в никуда. Скрипели, покачиваясь на ветру, редкие фонари. Он уходил в темноту, туда, где нет фонарей. По пятам неслись чужие тени, догоняли. И холодный дождь шлепал по Сталину. Не барабанил, а именно шлепал, потому что капли были с кристаллами.

Тогда Сталин рвался, как волк, рвался из западни и мечтал вырваться, уйти от погони, а еще мечтал о теплом очаге, о сухих башмаках, о бутылке старого кавказского вина и хорошем остром шашлыке, чтобы рот горел. Тогда же мечтал он о холодном дожде со снегом, о пронизывающем до костей ветре, только чтобы он, Сталин, при этом был под крышей у печки, а дождь чтобы ляпал по стеклам и ветер чтобы свистел соловьем-разбойником в трубе...

Сбылась мечта: никто больше за Сталиным не гоняется. Передушил Сталин всех, кто за ним когда-то гонялся, и всех, кто не гонялся, но мог бы гоняться. Свистит-ревет над Москвой ветер, из бездонной темноты валят валами тяжелые капли-снежинки, шлепают-ляпают в огромные черные кремлевские окна, злобствуют, а Сталина достать не могут. Не пробить им стен твердокаменных, не проломить стекол — тут такие стекла, что их и пулей бронебойной не прошибешь. Свисти же, ветер, в кремлевских трубах, злобствуй, как враг в расстрельной лефортовской одиночке!

Тихо и тепло у Сталина. Спит Москва. Сталин не спит. По углам кабинета мрак. Но теплый мрак. Добрый. Приветливый. На столе рабочем — лампа зеленая, и на маленьком столике журнальном — тоже лампа зеленая: два островка света в приветливом мраке. И ужин на двоих. По-холостяцки. Бутылка вина с этикеткой домашней, самодельной. Название — одно слово химическим карандашом, грузинским узором. Шашлыки огненные: половина мяса, половина перца. А кроме перца в шашлыке еще много всего огнедышащего — ешь да слезы вытирай.

Разговор — лесным ручейком по камешкам. А камешки острые попадают.

— Вам еще налить, товарищ Холованов?

— Нет. Спасибо, товарищ Сталин.

— Тогда к делу. Как идет подготовка испанской группы?

— Без срывов. Девочки усваивают программу вполне удовлетворительно.

— Выбор тринадцатого?

- Так точно, товарищ Сталин.
- Думаете, сможем выбрать достойную?
- Их шесть, а нам нужна только одна. У каждой свои сильные и слабые стороны, но одну из шести выбрать можно.
- А если группу увеличить?
- Учебная точка — на шесть кандидатов... В испанской группе — шесть...
- Пусть будет шесть... И одна запасная. А?
- Как прикажете, товарищ Сталин.
- Не приказываю. Смотрите сами. Мне достойный кандидат нужен...
- Запасную в группу ввести можно, но девочки в освоении программы далеко ушли. Сумеет ли новенькая догнать остальных?
- Эта сумеет. Вы же ее знаете.

5

Спит Берлин. Под желтыми фонарями — островки света, а вокруг мгла: не пробивается свет сквозь туман и дождь. Уснул огромный прекрасный город. Утих. Светофор зеленым светом открывает путь всем желающим двигаться вперед.

Но желающих нет.

Прекрасен зеленый огонек светофора в густом тумане. Туман свету другой оттенок дает, словами не выразимый. Грустно, что никому той красоты видеть не дано. Один он, продрогший-вымокший, ею любит. И совсем грустно оттого, что идти вымокшему надо, а идти некуда. Плохо ему оттого, что весь город огромный для него вдруг чужим стал. Плохо ему оттого, что за мокрыми стенами — сухие, теплые комнаты, и там, в комнатах, под сухими простынями спят сухие люди, уткнув носы в пуховые перины.

Плохо человеку, у которого нет теплой, сухой комнаты и перины.

А еще вымокший знал: за этим скрипящим фонарем, за

этой обклеенной мокрыми афишами тумбой, за этим углом облупленного дома его ждет беда.

Беда, с которой ему не совладать.

Где-то далеко скрипит по рельсам загулявший трамвай. Вымокший втянул в себя воздух, задержал дыхание, выдохнул глубоко и решительно повернул за угол. Он всегда шел беде навстречу. Сам.

Луч карманного фонаря ударил в глаза.

— Стой!

И второй луч сквозь частые капли:

— Кто такой? Документ!

У своей правой ладони ощутил он сквозь холодные капли горячее дыхание пса и клыкастую липкую пасть. Пес не коснулся его ладони, и пса он не видел, но всем своим существом понял: рядом. Не глядя на зверя (да и все равно не разглядишь ничего в темноте, когда два фонаря в очи), он однозначно определил: ротвейлер, сука.

Подоспел и третий фонарик, маленький, но яркий, и тоже в очи уперся:

— Как на Мессера похож! Мес-сер! Это сам Мессер! Ру-уки на стену!

6

— И в заключение, товарищ Холованов... Вы мне обещали рассказать что-то интересное про Рудольфа Мессера, что-то такое, чего я пока еще не знаю.

— Агентура докладывает: за Мессером охотятся американцы.

Встал Сталин, подошел к окну и долго смотрел на капли с кристалликами.

— Какие американцы?

— Военная разведка.

— И не могут поймать?

— Не могут. Его никто не может поймать.

— Вы сказали: никто... Разве кроме американцев за ним еще кто-то охотится?

— Британская разведка. Кроме того, абвер, гестапо, криминальная полиция.

— Странные вещи творятся у нас, товарищ Холованов. Американская разведка охотится за Рудольфом Мессером, британская разведка охотится за Рудольфом Мессером. А почему сталинская разведка не охотится за Рудольфом Мессером?

7

Раньше тут был монастырь. Теперь — Институт Мировой революции. Распахнулись стальные ворота. Въехала длинная черная машина. Вышел Холованов. Буркнул что-то. По монастырю пронеслось: Дракон был в Кремле, вернулся в состоянии повышенной лютости. Что сейчас будет...

Бросил Холованов мокрый портфель на стол, струйки с плаща — на каменный пол. Ходит из угла в угол. Плащ не снимает. Смотрит под ноги:

— Ширманова ко мне.

ГЛАВА 2

1

Длинные капли дождя вдруг стали короче, белее, их очертания обозначились четко, они сбавили неумолимую скорость, прервали отвесный полет к земле, закружились вокруг фонарей, превратившись в неторопливые лохматые снежинки, и на славный город Берлин налетел-навалился густой снегопад.

А на левой руке чародея, иллюзиониста и гипнотизера щелкнул браслет. Щелкнул и на правой. Узорчатая снежинка упала на рукав. Его втокнули в узкий, обитый жостью коридор берлинского воронка, и снежинка исчезла там вместе с ним. Тут же ударом резиновой дубины в печень направление его движения было уточнено: в отсек! Руки в браслетиках — колечко. В это колечко пропихнули-пропустили цепь с замком. И этот замок тоже щелкнул. Цепь гремящая к мощной балке приварена, а балка в стальную стену врезана, ввинчена, намертво к ней присобачена. И пса посадили напротив: если гипнотизировать вздумаешь, так начинай с нашего песика.

Отсек-закуток не одной дверью запирается, а двумя. Первая — из стальных прутьев, прутья черной лаковой краской покрыты, но там, где руки арестанта, краска черная стерта, и предшествующий серый слой тоже стерт до самого металла, а металл отполирован до сверкания тысячами арестантских

ладоней. Вторая дверь — стальной лист с окошечком. Решетчатая лязгнула за ним, а вторую, сплошную, с окошечком, они не закрывали, чтобы пес имел возможность арестанта всего созерцать, целиком. Чтобы лицо арестантское песым дыханием согревалось.

Чтобы контакт не терялся.

2

Воронок — на шесть персон, не считая охраны. Но везут одного. Остальные пять камер-загончиков пусты: ради такого арестанта подали персональный транспорт. А ведь все берлинские воронки сейчас заняты, все переполнены-перегружены, все работают на износ, планы перевыполняя. Самая работа: между четырьмя и шестью утра. Самый сон потенциальным арестантам. Самый момент брать! И берут. И набивают воронки до отказа. До упора. Они разные бывают, воронки, — с общей камерой и без, с одной общей и десятком персональных, есть вместимости ограниченной, а есть — безграничной, беспредельной. Ограниченной вместимости — для особо важных. Такой для него и подали. Вообще это во все и не воронок, а полицейский автобус с вынесенным вроде тарана двигателем-дизельюгой, с мощным буфером, с колесами самосвальными, с броневым козырьком на кабине водителя. Впереди — места для полиции, сиденья настоящей кожи, желтые, задняя же часть — для арестантов. Входить можно через заднюю броневую дверь с малым оконцем и решеткой прямо в арестантский коридорчик или через переднюю часть, полицейскую, где сиденья мягкие.

Полицейскому автобусу для такого случая — три машины сопровождения.

Взвыли сирены. Замигали, ослепляя, синие фонари на кабинах. Рванул весело воронок в ночную метель, прокладывая след по снежной целине. И машины охраны — за ним. Под снегом — вода, потому полетели из-под колес фонтаны

черной жижи, комья водой пропитанного снега. Потому за машинами колея: белый снег, черный след.

3

Если большую толстую половую тряпку хорошо вымочить в ведре и вытащить, не выжимая, то с нее потечет вода. Потоком. Так и с чародея текло — как с большой половой тряпки. И по узкому коридору воронка, по полу отсека, по жесткой полированной холодной скамейке — вода. Грязная вода. И пар к потолку. Горячий пар собачьей пасти. Холодный пар его дыхания. Обильный пар промокшей одежды. Все оконца воронка мигом туманом занавесило, и тусклая лампочка под потолком утратила свои стеклянные очертания, обратившись желтым расплывчатым пятном.

До этого момента, до ареста, вода с него стекала, и одновременно его одежда пропитывалась-наполнялась новыми тяжелыми килограммами воды, теперь же наполнение прекратилось, вода только текла с него, но больше не рушилась на голову и плечи обильными струями. Холодный пар окутал пеленой. Он стал согреваться. Нет, не согреваться — не то слово: на улице ему было так холодно, что он перестал себя ощущать, теперь же в воронке он стал отходить, его понесло из одного состояния замерзания в другое, из замерзания бесчувственного в более безопасное, но более мерзкое состояние замерзания ощущаемого. Он ощутил себя — жалкого и мокрого. Судорога отступила, отпустила скулы. И зубы снова застучали-загремели.

Жестяные стены каморки-загончика все разом каплями покрылись от его испарения. И скамейка тоже. Скамейка, как и стены, как пол и потолок, жостью обита. Скамейка тоже отполирована до сверкания тысячами арестантских задниц. Скамейка узкая и низкая — ноги чуть не к подбородку, потому сразу затекают.

Только он этого не замечал. Он шел слишком долго, он

устал. Потому арест принял как давно желанный отдых. Ему давно хотелось присесть и посидеть. Посидеть, отдохнуть. Ему давно хотелось пить, ему хотелось сухой рубахи и чистых носков, ему хотелось горячей воды и мыла, ему хотелось бритвы, его душил голод. А еще ему хотелось спать. Черт с ним, с арестом! Даже хорошо, что арестовали! Каждый, кто ждал ареста, знает это чувство исцеляющего облегчения: все! свершилось! больше не надо бояться. Теперь можно спокойно спать.

Пока он не повалился на железную скамью, сознание его не сдавалось усталости, не признавало ее, а тут вдруг усталость навалилась холодным, лохматым, раненным в бок, вымокшим в ноябрьском болоте сибирским мамонтом и подмяла.

Потому ни взывшая сирена, ни собачий рык, ни рывок воронка в белую черноту уже не могли разбудить его. Голова лишь чуть отвалилась от жестяной стенки и тут же об нее и стукнулась, не нарушив безмятежного сна ее владельца.

Ему снилась метель, миллиарды огромных резных снежинок в черном небе. Он знал и во сне повторял, что самая большая измеренная и официально зарегистрированная снежинка имела в поперечнике 132 миллиметра — шире человеческой ладони. Во сне он рассматривал снежинки и сортировал их по десяти основным типам. По типам сортировать легко, но внутри своего типа все они разные. Именно так основную массу людей легко разделить на расы, но внутри расы двух одинаковых попробуйте отыскать... Он искал две одинаковые снежинки, зная, что все они разные, как отпечатки пальцев.

Он искал две одинаковые в твердой уверенности, что таких не бывает.

4

Вы не пробовали будить чародея? Уставшего чародея. Вот и я не пробовал.

А берлинской полиции выпало. Это вовсе не просто. Ча-родей провалился в пучину сна. У него мозг не такой, как у нас с вами. Он живет рядом, но только в другом мире. И все у него наоборот, не как у нас, людей нормальных.

Он думает не так, на мир смотрит иначе, а уж спит, ясное дело, особым способом, набираясь магических сил и страстей.

Как его будить? Вылить на него ведро ледяной воды? Он и так водой пропитан. Бить палкой по плечам — не действует.

А бить его палкой по голове никто почему-то не решился.

5

Стены тюремные — полтора метра добротной кирпичной кладки. Хорошо раньше строили. Надежно. Пять тюремных коридоров — лучами от центра. Один надзиратель, не сходя с места, может видеть сразу все коридоры, все пять. И все четыре этажа. Каждый коридор — ущелье. Стеклянная крыша над ущельем (не беспокойтесь, стекло и снизу, и сверху стальными сетями прикрыто), стеклянный же купол над центром, к которому коридоры сходятся. Двери камер — рядами, вдоль каждого ряда — галерея, над нею еще одна и еще. Так что сразу все двери видно. На всех галереях. На всех этажах. И считать хорошо: один ряд — 25 камер, над ними галерея и еще 25, еще галерея и еще. Справа сто камер в четыре яруса и слева сто. Один коридор — двести камер. Пять коридоров — тысяча.

Чисто в тюрьме. Тихо. Гулко. Особенно к утру гулко, когда уборщики к рассвету по камерам разогнали, когда надсмотрщики притомились, когда ночная смена следователей дежурство сдала, когда вопли подследственных попритихли. Полы — огромные красные и белые квадраты. Вырезаны аккуратно, до сверкания вымыты и натерты. И в уголках у плитусов — ни пылиночки, ни сориночки, ни грязиночки. Какой-то кайзер тюрьму выстроил, не то Фридрих, не то Вильгельм. Денег не пожалел. Рассудил по-немецки: дешевая

работа дороже обходится — если положить по коридорам какой-нибудь дрянной пол, то потом его каждые сто лет менять придется. Так уж лучше раз положить, но чтоб навсегда. И повелел так пол мостить, чтоб никогда не стерся, чтоб никогда новый не настилать. Потому и положили плиты гранитные. Все кончится, истекут все времена, а пол тот останется, не истереть его и миллиону поколений германских эзков. Вымрут люди, как динозавры и мамонты, а тюрьма еще долго стоять будет, чтобы воцарившиеся после людей обезьяны здесь, посреди развалин и выросшего на развалинах дремучего леса, устраивали бы свои сборища и водили по гранитным полам свои обезьяньи хороводы.

А пока тут обитают люди. Люди в черном. И люди в полосатом. Полосы по три пальца шириной: белые и серые. А на голове — шапочка элегантная, тоже полосатая. Очень даже красиво: огромные красные и белые плиты пола, хоть в шахматы играй, а по этим плитам скользят фигуры двух цветов, черные и полосатые. Если бы серые полосы с полосатой одежды убрать, то одежда стала бы белой, и полная аналогия получилась: пол в шашечку и фигуры двух цветов — черные и белые, двигай одних прямо, других — по диагонали, третьих — буквой «Г».

А если бы в тюрьме галереи обвить гирляндами цветов и в центре фонтан учредить, то очень бы она на огромный универсальный магазин походила, с лесенками, мостиками и переходами, без окон наружу, но со стеклянными крышами и куполом. «Если вы потеряли друг друга, встречайтесь в центре у большого фонтана». А если бы двери камер отпереть, если бы в камерах разместить маленькие магазинчики, если бы черных и полосатых переодеть в цветное...

Но не додумался никто двери камер отпереть и в центре фонтан устроить. Потому чародея волокли не мимо журчащего фонтана, а мимо будок надзирателей. Его тащили, как пойманного барса, на растяжках: кожаный ошейник и стальные тросики к одному надзирателю и к другому — если бросится на одного, другой удержит.

А по коридорам, по караульным помещениям и подсобкам, по кабинетам и камерам, сквозь полутораметровые стены скользнула весть: Мессера поймали! И через десятиметровую внешнюю стену, через колючую проволоку, через ролики, провода и трансформаторы высокого напряжения, мимо караульных вышек и наблюдательных постов, мимо прожекторов, недремлющих псов и бдительных часовых скользнула весть в огромный спящий город, укрытый снежной периной: гестапо не дремлет, Мессера поймали!

6

Вторым делом в берлинских тюрьмах — санобработка. Чтобы вшей в тюрьму не занести.

А первым делом — бьют.

Чародея толкнули в большую высокую камеру без окон. Стены — белый кафель, как в операционной. А пол — цемент. Удобно — после процедуры включил напор и водой из шланга кровь смывай.

По углам четверо. С дубинами.

Но они не учли двух моментов.

Во-первых, чародей Рудольф Мессер, пока его везли, спал. Он спал совсем немного, но даже небольшой отдых частично восстановил его силы.

Во-вторых, тут не было собаки. Чародея толкнули в центр камеры. Толкнули с умением, с годами отработанной точностью: двое из коридора толкают в дверь, третий внутри камеры подставляет ногу, и лети через ногу мордобойца прямо туда, где пол снижается к прикрытой решеткой яме. И четыре дубины взлетели над ним.

Но чародей успел в падении прикрыть лицо ладонью и крикнуть: «Не бейте меня!»

Крикнул чародей, чтобы не били.

И его не били.

Сел чародей на пол, потер ушибленный локоть, осмотрел

искусанную собакой руку и приказал:
— Врача.

7

Побежали за врачом. Послали за дежурным надзиралой. Погнали машину за начальником тюрьмы.

Чародей сидел уже не на полу, а на кем-то принесенной табуретке и командовал:

— Позовите того, с собакой.

Позвали.

— Собаку убей. И возвращайся сюда.

— Есть!

Четверо с палками не скучали — чародей им приказал обработать того, который в воронке усердие проявил, чародея в печень двинул.

Четверо с палками уточнили: как бить?

Отвечал: как всегда новоприбывших обрабатываете.

Усомнились: так это же зверство!

Чародей успокоил: ничего, разрешаю...

И собаковод, прибежавшего с докладом о выполненном приказе, чародей на растерзание отдал тем четверым с дубьем, приказал собаководу обработать в соответствии с общепринятым стандартом: коротко, интенсивно, вкладывая душу.

Много отдал чародей приказов и, подчиняясь ему, был вскрыт следственный корпус, и в огромной тюремной коچهгарке охранники метали в пламя тугие папки. Повинуясь приказу, главный надзиратель, гремя ключами, отпирал камеры, а внешняя охрана — тяжелые ворота. Правда, узники не спешили воспользоваться свободой. Так уж коммунисты устроены: если дали свободу, но не поступило приказа ею пользоваться — не пользуются. И коммунисты остались в своих камерах. Социал-демократы — тоже. Немецкая дисциплина не позволяет социал-демократу из гитлеровской тюрьмы бежать.

А вот урки берлинские себя просить не заставили, мигом сообразили, что Мессер берлинской полиции урок преподаст. Суть урока: не надо чародеев, гипнотизеров и фокусников в тюрьмы сажать, дороже обойдется. Преподасть же урок в лучшем виде можно, отперев камеры и ворота. Потому, как только скользнула по сонной тюрьме весть, что Мессера поймали, урки встрепенулись, бросили карты, у дверей камер столпились в ожидании, когда ключи и двери загремят.

Ждать совсем недолго пришлось: замки щелкают, засовы-задвижки лязгают, двери гремят и каблуки арестантские стучат.

Разбегаясь, братва берлинская и общегерманская надзирателей не била и тюрьму спалить не норовила — скорее бы подошвы унести, кому знать, когда ворота захлопнутся. Потому — ухватить пальтишко в каптерке или шинель надзирателя, прикрыть на спине полосы тигриные и бегом в переулки, подвалы, притоны. До рассвета успеть. А там — ищи-свищи...

Но, пробегая мимо канцелярии, братва, звериным чутьем зная, что Мессер где-то рядом, орала ему благодарности и приветствия: «Чародей! Век не забудем! Чародей, если кого порезать надо, так только свистни!»

ГЛАВА 3

1

Профессия у него интересная и редкая: палач-кинематографист. Палачей на планете видимо-невидимо — как собак нерезанных. И кинематографистов столько же. А вот палачей-кинематографистов очень даже немного. И профессии вроде бы смежные, и встречаются часто палачи с кинематографическими наклонностями, как и кинематографисты с палаческими, но все же найти специалиста, который бы в равной мере сочетал в себе качества талантливого палача-новатора и одаренного кинематографиста, вовсе не так просто. Потому палачей-кинематографистов уважают и ценят. Их труд щедро оплачивают. Им оказывают почет и уважение.

В узких, понятно, кругах.

Ясное дело — его никто никогда не называл палачом-кинематографистом. Должность именуется — исполнитель. Более официально — исполнитель приговоров. А уж совсем официально — исполнитель приговоров, кинематографист. Через запятую.

А для своих — Вася.

Для тех, кто помоложе, — дядя Вася. Последние годы Вася все больше на вязании работал, потому чаще его называют Васей-вязателем. И работу кинематографиста не забывал, потому его еще Васей-киношником зовут.

Много дяде Васе-киношнику работы — по Москве аресты валом идут. Арест — не палаческое дело, не палачу-виртуозу таким недостойным делом заниматься.

Но нет выхода — Москву чистить надо. Потому палачей, которых пока расстреливать не надо, товарищ Сталин бросил на аресты палачей, которых надо именно в данный момент срочно расстрелять. Потому дядя Вася, палач-кинематографист, брошен на низменную, грязную, недостойную его высокого ранга работу, — на аресты.

А тут еще съезд партии.

2

В Москве — XVIII съезд ВКП(б), Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Партия — союз единомышленников. Съезд партии — форум лучших людей страны. Утро. Кремль. Гремят куранты. Лучшим людям страны — почет. Понятное дело — и безопасность им обеспечена. Без нее никак. Потому для общего блага, чтобы все вместе не взорвались от принесенного врагом заряда, каждого делегата индивидуально обыскивают, вежливо, но тщательно. Делегаты предупреждены: все оставить в гостинице, иметь в кармане только партбилет.

Такие требования выполняются с энтузиазмом — правильно товарищ Сталин делает, не все ведь враги еще выкорчеваны, и среди делегатов съезда может один отыскаться... пронесет в зал авторучку, та ручка и грохнет — все лучшие люди страны разом взорвутся. Что тогда со страной будет? Поэтому — только партбилет. В партбилет, как ни крутись, заряд взрывчатки не вмонтируешь, а если и вмонтируешь, то не очень мощный.

В принципе, делегату съезда партии ничего в карманах иметь и не надо: кормят делегата сытно, поят обильно. Вечерами — концерты. Всё бесплатно. Всё без денег. Можно с пустыми карманами ходить. Как при коммунизме.

При входе в зал каждому делегату — чудесной работы блокнот для записей и авторучку. Где такую еще найдешь! Ручки дивные — красные и голубые, выбирай любую. И чернила всех цветов. Где такое увидеть можно, чтобы авторучка зеленым цветом писала! И перья любой толщины, любой мягкости. И названия авторучкам разные: «Москва», «Прогресс», «Пятилетка», «Индустриализация»; и фирмы-изготовители разные: «Завод имени Сталина», «Парижская коммуна», «Фка им. Горького». Радует делегат: съезд завершится, а ручка в кармане останется. Всей Сибири на удивление. И блокнот тоже. И еще делегаты радуются: скоро весь советский народ такими ручками писать будет — производство уже налажено, только на всех пока не хватает.

Чудесным авторучкам — сразу применение: все о делегатах известно, но перед входом в зал заполни, делегат, анкету еще раз, чтобы мандатная комиссия подвела итоги и объявила в завершение съезда, сколько среди делегатов мужчин, сколько женщин, сколько рабочих, сколько крестьян, а сколько прослойки — трудовых интеллигентов. С гордостью объявит мандатная комиссия съезду, а потом всей стране, всему миру, сколько в числе делегатов участников Великой Октябрьской социалистической революции, а сколько — Гражданской войны, сколько орденосцев, сколько членов партии с дооктябрьским стажем, сколько — с послеоктябрьским...

В вестибюле — интересные знакомства, оживленные беседы. Нашла власть советская чабана за облаками. Чабан в халате. В таком виде и доставили. Тоже делегат. Никогда в жизни человек со своей горы не спускался. Никогда облаков снизу не видел, всегда на облака только сверху взирал. Вот такой и нужен. Нашла его власть наша родная, с горы спустила. Порусски он не понимает. Это не беда. В нашей многонациональной родине говори на любом языке. Кому надо, поймут. Делегат с горы — лучший из лучших, потому ему государственные проблемы решать. Руку надо поднимать. Вместе со всеми. Обступили чабана командиры Красной Армии, рассказ на непонятном языке слушают о том, как баранов выращивать.

В Большом Кремлёвском дворце песни гремят, туркменский товарищ в бубен бьет, девки-хлопкоробки в азиатских штанах азиатские же танцы вытанцовывают, в зале журналисты суетятся, блещут фотовспышки, журчат кинокамеры, успокаивают, баюкают...

Демократия полнейшая. С перебором. Выборы нового состава Центрального Комитета совершенно тайные. Каждому делегату — список кандидатов. Из списка можешь вычеркнуть любого. Мало того — вместо вычеркнутого можешь вписать любого, кто нравится. Кого хошь. Не просто можешь, но обязан вписать в список своего избранника. Если вычеркнешь одну фамилию, а вместо вычеркнутого никого не впишешь, то бумага эта считается недействительной: а то ведь всех можно повычеркивать, кто тогда страной будет править? Так что, вычеркивая одного, вписывай другого.

Молоденький чекист-выдвиженец из Тайшетлага, представляющий интересы сибирских большевиков, недоверчиво кабинки для голосования щупает: где фотоаппараты спрятаны? Если каждый будет вычеркивать кого вздумается и вписывать кого захочет, то куда же это мы пританцуем? Неужто товарищ Сталин не контролирует процесс выборов? Неужто не заботится о будущем составе Центрального Комитета? Неужто вожжи отпустил?

Ощупывает чекист кабинки, мол, добротнo сделано, а сам удивляется: фотоаппаратов действительно нет. Некуда их всобачить, кабинки — реечки полированные да сатин красный, весь просвечивается, фотоаппарат вставить не умдришься. С другой стороны, прикрывает тот сатин зачеркивающего-пишущего...

Так что... Заходи в кабинку и вычеркивай кого хочешь... Вписывай... Чудеса, да и только...

У съезда партии есть видимая сторона, фасадная, так сказать, и невидимая сторона, организационная. Трудное это дело — съезд организовать. Сколько сделать надо! Каждую мелочь упомянуть! Те же авторучки. Где такие достать? Только на гнилом Западе. Людишек в Лондон погнали, те заказали что нужно. Буржуины, понятное дело, упираются-кочевряжатся, заказа понять не могут. Они ручки любого цвета, любой формы в любых количествах продать могут. Только им важно, чтобы на ручке было написано «Parker», а нам это как раз и не подходит, нам надо, чтобы на ручке «Заря Востока» значилось.

Упираются буржуины: у них производство налажено-настроено, на каждую ручку при изготовлении они свой штамп лепят, а перестройка производства дорого обойдется. Ничего, наши в ответ, за перестройку платим. Во что бы ни обошлась. Снова упираются: мы выпускаем лучшие в мире ручки и не можем допустить, чтобы наш продукт под другой маркой был выпущен. А наши отвечают, что надо совсем немного, что из великой страны рабоче-крестьянской те ручки никогда не выйдут, что мы в области ширпотреба вам не конкуренты, все равно вашего «Паркера» у нас никогда не будет. Ладно, говорят буржуи, только это дорого обойдется...

Вот это другой разговор! Уж мы за ценой не постоим.

Но это не все. Получив те ручки, на каждую надо карточку завести, каждой номер присвоить, с каждой характеристики снять: заправлена зелеными чернилами, яркость чернил... толщина пера... микроскопические дефекты пера... и прочая и прочая. Потом ту ручку делегату вручат: зачеркни, товарищ дорогой, кого хочешь в списке. Можешь самого товарища Сталина зачеркнуть, если тебе товарищ Сталин не по нутру, а уж экспертиза установит, что зачеркнула великое имя ручка № 1241.

И чтобы не перепутать, строжайший учет организован, кому какую ручку дали (своей-то у делегата нет, об этом позаботились при обыске). Учет организован так: первым, до-

пустим, регистрировался делегат Кружкин, вот тебе, товарищ Кружкин, ручка № 1. Кружкину и в голову не придет, что у ручки номерок есть в общем каталоге. Оно и хорошо, что в голову делегату такие мысли не приходят. И камера фиксирует, кому какую ручку дали. Радостно эдак камера стрекочет, и оператор радостный. И посланец народа горд — вот его для истории запечатлели, в момент регистрации делегатов исторического съезда.

Понятно, в кадрах кинохроники трудно будет различить детали, и все же не зря закупили ручки семи разных форм. Потом кадры хроники и каталоги ручек сопоставят, чтобы путаницы не произошло. И любые детали, любые подробности пригодятся...

Но делегаты могут ручками поменяться! Один любит чудо-ручкой и другой любит. Давай, первый говорит, махнемся!

Что будет, если делегаты, не понимая великого смысла, ручками поменяются? Не бойтесь. Предусмотрено. Кинокамеры не дремлют, фиксируют. И много среди делегатов скользит темного народа, тоже якобы делегаты, но поди ж ты разберись, кто делегат, а кто нет. И там, куда кинокамера своим зорким глазом не заглядывает, в женский туалет, к примеру, там девушка-узбечка, хлопкоробка, в азиатских штанах у огромного зеркала переплетает сто десять своих косичек...

И все видит.

Ей же не зря столько косичек придумали. И зеркало во всю стену — тоже не зря.

Но в конце концов и это не главное. Графологическая экспертиза — вот козырь. Зачеркни, товарищ, любого делегата в списке. И любого впиши. Не важно, кого впишешь, хоть самого Троцкого, важно — своей рукой. Впиши кого хочешь, тем самым автограф свой оставь, а уж ребята из Института Мировой революции тебя вычислят. Образцы почерка каждого собраны давно, да еще при регистрации каждый собственноручно анкету заполнял якобы для мандатной комиссии. Ребятам Холованова остается только почерк, которым ты мерз-

кое имя в список внес, сравнить с почерком твоей анкеты. А уж графологи свое дело крепко знают. Не ошибутся.

Вычисление зачеркнувших идет независимо сразу по многим линиям: эксперты по ручкам свое заключение дают, эксперты по почерку — свое, есть и другие эксперты... Каждая группа работает независимо от других. Потом результаты будут сопоставлены, если вскрыются расхождения, работа будет продолжена. Есть методы...

И не надо думать, что вычисляют только тех, кто имя товарища Сталина зачеркнул. Вовсе нет. Всех вычисляют. Вот кто-то зачеркнул фамилию нового главы НКВД товарища Берии. Кто же на такое решился? А решился не кто иной, как любимец Лаврентия Павловича Берии директор Норильского металлургического комбината НКВД СССР товарищ Завенягин. Вай, как интересно. Вместе — друзья-товарищи, водой не разольешь, а как до тайного голосования доходит...

Товарищ Сталин аж подпрыгнул, такое услышав. Главное теперь, чтобы товарищ Берия случаем не пронюхал, какой у него любимец. Пусть товарищами остаются. А Завенягину характеристика: старый чекист Завенягин все чистки прошел, все контроли, и вот тебе на — в демократию поверил, бдительность потерял, правом вычеркивать решил воспользоваться... Бывают же дураки на свете! Таких беречь надо. И на нужные посты расставлять.

А может, шаг такой вовсе не глупостью продиктован? Что это? Отчаяние? Предсмертный протест? Расчет? Расчет на что?

5

А что делать, если делегат съезда, воспользовавшись правом тайного голосования, вычеркнул великое имя из списка, но другого не вписал, автографа своего не оставил? Нельзя же одну черту автографом считать, и эксперты по почерку не помогут. Полагаться только на выводы тех, кто микродефекты ручки будет искать?

Нет, товарищи. Экспертиз несколько. И самая главная (куда от нее уйдешь?) — экспертиза пальчиков. Список кандидатов — на чудесной бумаге. Бумага из Швеции доставлена. Да не простая бумага — среди сотен сортов хорошей бумаги выбрали такую, на которой лучше всего пальчики пропечатываются. Как на стеклышке.

Но ведь в типографии, когда списки печатали... Вот как раз нет. В особой ведь типографии списки печатали. Печатали с понятием. И в Кремль доставляли с понятием. И раскладывали по столам, опять же, с осторожностью. Так что на момент выдачи списка делегату никаких отпечатков на листе не было. Теоретически на списке могут оказаться только пальчики товарища делегата — получил список, вычеркнул одного, вписал другого и в урну бросай. В чужие руки тот лист не попадет. И тут перед урнами избирательными соответствующие товарищи зорко смотрят за порядком. Главное, чтобы чужая рука листочек не лапнула.

Ну а девушка смешливая с парашютным значком, которая делегатам листы раздает, — ее пальчики тоже останутся? Этот момент учтен. Объясняю: во-первых, девушка — своя. Если бы ее пальчики и отпечатались, то разобраться легко: вот ее пальчики, а вот твои, товарищ делегат. Но не оставляет девушка отпечатков. Подушечки ее розовых пальчиков прозрачным лаком «S-4» покрыты. Из Франции лак доставлен. Работает она без перчаток, а отпечатков не оставляет.

Так что если какому-нибудь выдвигенцу-высочке ударит в голову хмель полудетского озорства, если черкнет по великому имени, автографа не оставив, то все равно никуда ему не деться: до своей Сибири не доедет. Туда шифровку шарахнут: мол, как быстрорастущий, как делегат съезда, получил ваш боевой товарищ новое назначение на секретную работу, с намеком, вроде в шпионы.

Но попадет он не в шпионы, а в другое место. Жизненный поток понесет его совсем в другую сторону.

И вряд ли тот поток правильно называть жизненным.

Дядя Вася-вязатель, он же — Вася-киношник, знай себе ручку камеры крутит, делегатов радостных снимает. Голосуйте, дорогие товарищи, зачеркивайте кого нравится, вписывайте кого хочется... Много вас таких было. На предшествующих съездах. Дядя Вася вот так же всех вас и снимал, уважаемые. К примеру, на прошлом XVII съезде. Делегаты тогда, как и сейчас, тоже прикидывались честными гражданами. Надо признаться, со стороны так и казалось.

Представлялось, что все они (или в большинстве своем) — наши родные советские люди... А что оказалось? Оказалось, что почти поголовно съезд предыдущий был вражеским, шпионским, предательским и вредительским. Больше половины делегатов вскоре перестрелять пришлось. Многих, ох многих дядя Вася потом повторно снимал. Но уже индивидуально. В камере смертников.

Интересно хронику старую крутить: вот голову гнут делегатскую, вот делегат сапог палача лижет, вот он, гад, кричит, что товарища Сталина страсть как любит, что жизнь готов отдать... Ну и отдай. В чем проблема? Сапог-то зачем слюнявить?

Ах, как товарищ Сталин такие кадры смотреть любит. По многу раз без перерыва. А потом заказывает тех же врагов показывать не в расстрельном коридорчике, а на съезде: вот они — гордые, пузатые, надутые, в орденах, вот они в президиуме восседают, вот с трибуны речи кричат. Сейчас-то сразу видно: вон тот, орденастый, ну конечно же, враг, вон какая у него улыбочка сладенькая. Но тогда, на прошлом съезде (дядя Вася честно себе в этом признается), его подозрение падало на отдельных типов, но никак не на большинство. Смотрит Вася кадры старые, своей наивности дивится: ну как же вон того усатого не распознал — глаза-то, глаза у него вражеские. А усищи какие распустил! Ну ведь видно же! А разве вон у того на морде не написано, что шпион? Даже не маскируется! Ишь, прищурился. Смотришь кадры старые — дрожь по

телу: товарищ Сталин один, а вокруг него враги стаями так и выются, так и мечутся. И по глазкам их плутовским видно: заговоры плетут, планы вынашивают!

А потом на том съезде предыдущем выборы были. Точно как сейчас. Кого же враги выбрать могли? Понятное дело, врагов и выбрали, шпионов выбрали англо-японских и польско-турецких, вредителей выбрали. Весь почти Центральный Комитет шпионским оказался. Дядя Вася как сейчас помнит: всего выбрали на том съезде 71-го члена ЦК и 68 кандидатов. Должен дядя Вася всех их помнить. Потому как клиенты. Или потенциальные клиенты. Совсем немного времени прошло, а из тех членов и кандидатов уже 111 арестованы. И редко кто еще цел. У товарища Сталина чутье на врагов. Он их насквозь видит.

Чувствует дядя Вася, что из того состава ЦК скоро 112-го брать будут. Завенягина Авраамия Павловича, директора Норильского металлургического комбината НКВД. Все к тому клонится. При Ягоде великими стройками коммунизма руководил? Руководил. При Ежове возводил? Возводил. Значит, в расстрельный подвальчик пора. И 113-го из того состава время пришло брать. Ежова Николая Ивановича. Так вырисовывается: член Центрального Комитета, секретарь ЦК, кандидат в члены Политбюро, Народный комиссар водного транспорта и бывший Народный комиссар внутренних дел, — а его даже делегатом нового съезда не выдвинули.

Значит, скоро...

7

И не нужно думать, что вот, мол, в Берлине дождь со снегом, а в Москве вроде уж ни дождя, ни снега. Нет, товарищи дорогие, и в Москве дождь, и тоже со снегом. Похлеще берлинского. А еще некоторые думают, что вот, мол, в Берлине аресты, а в Москве никаких арестов, что вот по Берлину воронки шапстают, а по Москве вроде и нет.

Ошибаетесь, милейшие, и по Москве шастают. Очень даже интенсивно. Любой Берлин позавидует.

В Москве — аресты косяком. Аресты повальные. Массовочка. Кончается власть товарища Ежова. Нет ему больше почта. Нет ему любви всенародной. Близок конец. Только ему одному еще не верится, что близок. Его пока не берут. А вот его команду теснят-ущемляют. И берут его ребят без шума. Арестовывают тех, кто арестовывал, расстреливают тех, кто расстреливал.

Есть, правда, дела и более важные...

По следам героев романа
Виктора Суворова «Выбор»

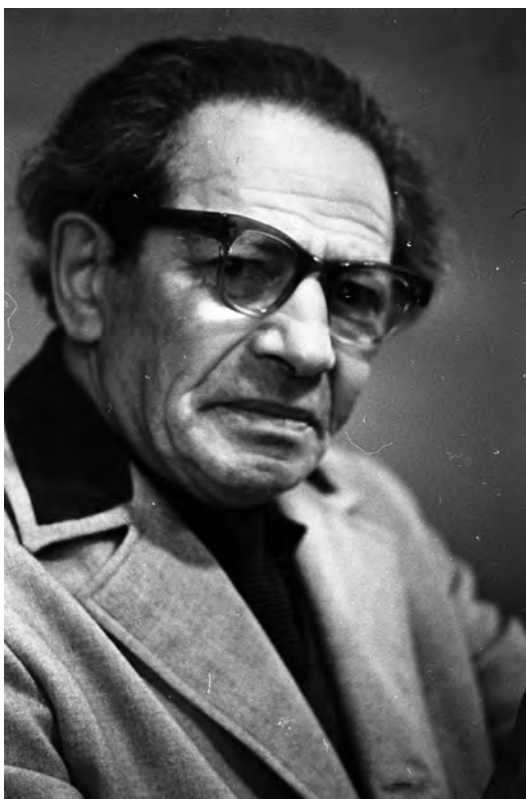
Фотодокументы из архивов 1930-х годов

Специальное приложение

→ Вольф Мессинг (1899—1974), гипнотизер, иллюзионист, эстрадный артист, выступавший в СССР с психологическими опытами по «чтению мыслей» зрителей, заслуженный артист РСФСР, ставший прототипом Рудольфа Мессера.

← ↑ Вольф Мессинг во время одного из психологических сеансов (1966 г.).

→ Александр Голованов, ставший прототипом Александра Холованова (Дракона), входил в ближайшее окружение Сталина, был его доверенным лицом и исполнителем самых важных заданий, личным телохранителем, следователем и пилотом вождя. Имел право на свободный доступ к Сталину, который называл его по имени в знак своего особого доверия. Участник гражданской войны, член ВКП(б) с 1929 года. В 1924—1933 годах работал в органах ОГПУ, занимал должности от уполномоченного до начальника отделения. Принимал участие в аресте Бориса Савинкова. Дважды выезжал в командировки в Китай в 1930 и в 1931 годах. Без отрыва от службы стал отличным наездником, мотогонщиком, летчиком; достигал высших результатов в каждом деле, за которое брался.

В 1933—1941 гг. состоял на службе в Гражданском Воздушном Флоте (ГВФ), где был командиром особого авиаотряда и шеф-пилотом эскадрильи особого назначения. В 1938 году газеты писали о нем как о летчике-«миллионере», то есть налетавшем миллион километров. Участвовал в боевых действиях на Халхин-Голе и в Советско-финской войне. В феврале 1942 года назначен командующим авиацией дальнего действия; лично участвовал в дальних бомбардировочных рейдах, в том числе в бомбардировках Берлина. Имел позывной «Дракон». С 1944 года — Главный маршал авиации, с 1946 года — командующий дальней авиацией СССР. В 1948 году снят с этого поста, в 1952 году назначен командиром воздушно-десантного корпуса. В 1953 году, после смерти Сталина, отправлен в запас. Более 10 лет работал начальником одного из училищ гражданской авиации.

↓ «Лахти» (Lahti L-35), финский пистолет, единственный в мире «полярный пистолет», созданный специально для стрельбы в условиях низких температур и возможного обледенения. Имеет очень короткий и легкий спуск и незначительную отдачу (что позволяет вести очень точную стрельбу), а также необычный для пистолетов узел — ускоритель отката затвора, обеспечивающий высокую надежность в любых условиях. Производился в Финляндии вплоть до 1958 года.

РГАКФД

Александр Евгеньевич Голованов (1904—1975),
ставший прототипом Александра Холованова (Дракона).

Собачьи упряжки на передовой во время Советско-финской войны (1939–1940 годы).

Виктор Суворов
(Владимир Богданович Резун)
2011 год

Виктор Суворов о своих книгах и о себе

Родиться меня угораздило на Дальнем Востоке в 1947 году. Детство прошло в дальних и очень даже дальних гарнизонах — Барабаш, Янчиха, Славянка, снова Барабаш, Рязановка... И было там все, что нужно человеку для полного счастья: самоходные орудия СУ-76 и СУ-100, зенитные пушки 52-К, бронетранспортеры БТР-40, БТР-152 и даже БТР-50П, гаубицы М-30 и Д-1, артиллерийские тягачи, танки ПТ-76 и еще много-много всего разного, включая брошенные укрепленные районы по всему побережью Тихого океана.

В Барабаше стояла дивизия, в Славянке — тоже, потому школы там были большие, а в Рязановке у нас была одна учительница на все четыре класса. Она же была и директором школы, и уборщицей. В одной комнате сидел и первый, и второй классы; потом, во вторую смену, в той же комнате — третий и четвертый. По пять-шесть ребят в каждом классе. Учительница вела половину урока с первым классом, вторую половину урока — со вторым, а после обеда первую половину урока — с третьим классом, вторую — с четвертым.

В сентябре 1957 года моего отца после 12 лет службы на Дальнем Востоке перевели в Киевский военный округ. В Конотопе мы жили на улице Гарматной, то есть на Пушечной или Артиллерийской, если на русский язык перевести. Учился я в школе №8. Первые четыре класса — пять разных школ. Когда мы уезжали из Рязановки, учительница вырвала листок из тетрадки

и написала справку: «Володя Резун за сентябрь получил отличные оценки по таким-то предметам...» Печати у нее, ясное дело, не было. Чисто конкретно: филькина грамота. И тогда отец в штабе заверил сей документ печатью 72-го гвардейского Порт-Артурского ордена Александра Невского минометного полка.

В августе 1958 года я поступил в Воронежское суворовское военное училище. Суворовские училища были созданы по приказу товарища Сталина в 1943 году. При нем этих училищ было 15. Кроме того — два суворовских училища НКВД. У тех были не алые погоны, петлицы и лампасы, а синие. Их называли «аракчеевцами». После Сталина в системе Министерства обороны было создано еще два СВУ: Ленинградское и Минское. Организация всех суворовских военных училищ была установлена лично товарищем Сталиным: начальник училища — генерал-майор, у него три полковника в заместителях: первый зам, начальник учебного отдела и начальник политического отдела. В каждом училище — семь рот. Ротные командиры — подполковники, взводные — майоры. Прапорщиков тогда не было, были сверхсрочники. В каждой роте — старшина роты, в каждом взводе — заместитель командира взвода. То есть в каждой роте по четыре сверхсрочника или прапорщика, если перевести на современные понятия.

Во взводе — 25 суворовцев, в роте — 75, в училище — 525. Однако выгоняли оттуда беспощадно. После первого года обучения обычно делали небольшой дополнительный набор. После того непригодных выгоняли, но нового набора не было, поэтому в училищах был некомплект, который в каждой роте увеличивался по мере приближения к выпуску.

Во время моего обучения начальником Вж СВУ был полковник Иванов, затем генерал-майор Дудоров. Командиром роты был подполковник Меркулов, затем — подполковник Истомин. Командирами взвода последовательно были майор Федоров, капитан Дементьев, майор Степанский, майор Панферов. Старшиной роты все годы был старшина сверхсрочной службы Черных, заместителем командира взвода — старшина сверхсрочной службы Усков.

Военный городок, в котором располагалось училище, был по-

строен при Александре Третьем специально для штрафного батальона. Здания двухэтажные, кирпичные, сработанные на века. В центре — мощное сооружение, на первом этаже которого несколько десятков одиночных камер, под потолком — тюремные окошки с решетками и железными ставнями. В наше время в этих камерах располагались склады училища, от оружейных до вещевых и продовольственных, — камер было много. А на втором этаже были огромные залы. В мое время там размещалась грандиозная библиотека и читальный зал. Библиотека была не просто грандиозной, но роскошной. Во время войны немцы были на правой стороне реки — там, где лежит город, — а на левую сторону их не пустили. Это был пригород, название ему — Придача. Вот на Придаче и располагались эти самые казармы. Перед началом боев — а они в Воронеже были такими же жестокими, как и в Сталинграде, — городскую библиотеку вывезли в несокрушимые казармы.

До 1917 года Воронеж был городом купеческим, промышленным, а еще раньше Петр Первый тут строил флот для выхода в Азовское и Черное моря. Городская библиотека была набита книгами XIX века. Город был буквально стерт с лица земли во время войны, а казармы на Придаче устояли, и только на некоторых зданиях остались следы осколков.

После войны городу было не до библиотеки — ее все равно негде было размещать, потому она так и оставалась в нашем училище. В основное книгохранилище, понятно, никого не пускали, книг тех никому не давали. Исключение составляли те отдельные не вполне нормальные книголюбы, которые по воскресеньям приходили добровольно книжные завалы разбирать, сортировать, раскладывать, составлять каталоги. Работа продвигалась медленно, но никто и не торопил. После войны прошло почти два десятка лет, а работа все еще не была завершена. Что с той сокровищницей стало потом, не знаю. Но подозреваю, что городские власти просто забыли о том, куда отправили библиотеку во время войны. Им никто об этом и не напоминал.

Вокруг здания с одиночными камерами и библиотекой непробиваемым прямоугольником стояли все остальные постройки: штаб, казармы, учебные корпуса, столовая, два спортзала, санчасть, баня и все прочее. Во всех остальных зданиях окна были

нормальные, высокие и широкие, но в каждом оконном проеме торчали куски мощных стальных прутьев от решеток, которые выпилили, превращая городок штрафного батальона в место подготовки подрастающего военного поколения. Зрительный зал был устроен в просторной и высокой батальонной церкви, у которой снесли колокольню, а на месте алтаря возвели сцену.

Распорядок был строгий и четкий: подъем в 7:00, зарядка, туалет, утренний осмотр, завтрак, шесть часов занятий, обед, два часа свободного времени, два часа обязательной самоподготовки, ужин, час необязательной самоподготовки (можешь уроки учить, а можешь книжку читать), вечерняя прогулка (то есть строем с песнями), вечерняя поверка и отбой.

В 13 лет я написал свой первый роман — о механическом коте, которого использовали в разведывательных и террористических целях. Дело давнее, но иногда чертики в бок вилами царапают: а не восстановить ли текст? Ведь получилось забавно.

Учили нас хорошо и по особой программе. В обыкновенных школах — десять классов, в СВУ — одиннадцать. В конце каждого учебного года сдавали экзамены. После экзаменов — лагерь, где подготовка продолжалась. Когда подросли, каждое лето — стажировка в войсках: форма солдатская, только сапоги не кирзовые, а яловые, офицерские. Распорядок на стажировке армейский, с подъемом в 6:00 и боевой подготовкой без поблажек и упрощений.

А мои разоблачители уличают: в 11 лет поступил в суворовское училище! Вот она, коррупция! Вот он, блат!

Для пушей убедительности разоблачителям следовало бы сообщить: он-то в 11 лет поступил, а все остальные вон в каком возрасте... Но разоблачители почему-то уточнять не стали. Ибо если бы сообщили, что остальным было по 15—16 лет, тогда возникла бы неясность: что же я один среди этих лбов делал? Меня по особой программе учили или как? А когда тех лбов выпустили и отправили в высшие военные училища, что же со мной стало? Оставили повторить курс?

Так вот, граждане, всех тогда принимали в 11 лет. Так еще в 1943 году установил товарищ Сталин. Первая рота была

самой младшей. На другой год ей присваивали следующий по возрастанию номер: рота становилась второй, еще через год — третьей и так далее. Шестая рота — предвыпускная, седьмая — выпускная. В первую роту нас зачисляли после четвертого класса в 11 лет. Когда нам было 12 лет, рота становилась второй, а когда 17 — седьмой. В 18 лет училище заканчивали.

Кадетское братство жило в атмосфере какого-то внутреннего благородства, и я бы даже сказал — аристократизма. Подлецы и мерзавцы в той атмосфере не выживали. Наши кадетские коллективы от Питера до Уссурийска отличались от всех других. В школу утром пришел, потом ушел домой. В детские исправительные учреждения одни приходят на короткий срок, другие на длительный; появляются новые друзья и враги, уходят старые. А мы с первого дня на семь лет были спрессованы в единую семью. И с первого дня кадеты из старших рот объясняли правила кадетского поведения и упорно их насаждали. Беспощадно каралось стукачество и любые другие мерзости. Проступок, совершенный на первом году, помнили всегда. Тот, кто в коллектив не вписывался, уходил сам. Того, кто не выдерживал нагрузки, отчисляли.

В моем отделении при поступлении было восемь человек. После первого года обучения выгнали Женьку Маслова, добавили Ваню Сархошьяна. После второго года выгнали Володю Солопова. После третьего Витю Шилова перевели в Киевское СВУ, Сашу Слукина отчислили по состоянию здоровья. После четвертого года выгнали Костю Барашкина и Ваню Сархошьяна. После шестого года — Володю Лифшица. До выпуска дошли двое — я и Саша Юрин. Саш, привет!

Нужно признать, что наш случай не стандартный. Но в общем картина была такая: набрали 75 человек в роту, через год добавили 10, через семь лет выпустили 49 человек.

В 1963 году Воронежское СВУ расформировали. Меня перевели в Калининское СВУ, которое я окончил летом 1965 года.

И снова разоблачители ликуют: это его по блату устроили...

Озадачим разоблачителей вопросом: если меня по блату перевели в другое училище, то что стало с моими товарищами?

Рассеем туман: в 1960 году Никита Хрущёв ударил по армии. Она была сокращена на миллион двести тысяч человек. Реорганизация коснулась и суворовских училищ. Было решено срок обучения сократить с семи лет до трех. Но если срок сократить, то в тех же казармах и учебных корпусах можно готовить вдвое больше будущих офицеров. Следовательно, количество суворовских училищ можно сократить. В системе Министерства обороны их было 17, решили оставить 9. Реорганизацию провели с умом. В 1960 году на три года был прекращен прием во все суворовские военные училища. Потому осенью того года во всех училищах осталось по шесть рот. Не стало первых рот — их не набирали. В каждом училище появились свободные казармы и учебные корпуса. В том же году было расформировано Саратовское СВУ. Шесть его рот разослали по другим училищам. При этом роты на части не рвали, сложившиеся коллективы не ломали.

На следующий год во всех суворовских училищах уже не стало не только первых, но уже и вторых рот. И было расформировано три училища: Оренбургское, Тульское и Тамбовское. В наше Воронежское СВУ прибыло две роты из Тулы. Первой и второй рот у нас нет, зато есть две шестых и две седьмых.

В 1962 году во всех училищах не стало и третьих рот. В том году тем же порядком были расформированы Новочеркасское и Ставропольское училища.

В 1963 году дошла очередь и до нас. Три оставшиеся роты воронежских суворовцев перевели в Калинин. В этом же году возобновился прием. Но теперь уже принимали в возрасте 15 лет. Мы этих ребят называли «кутузовцами». Были они славными и правильными, но с нашей точки зрения, в системе суворовских училищ что-то было навсегда и безвозвратно потеряно.

В 1964 году было расформировано Куйбышевское СВУ. В том же году систему нумерации рот сменили. Теперь номер роты не отражал твоего старшинства. Он ничего не отражал — просто номер. Мы, не сгибаясь, прошли от первой до шестой включительно, но вместо самой желанной и почетной седьмой роты вдруг попали в четвертую. Представим, что в обычной школе десятый класс внезапно называли бы шестым или пятым.

В период моего обучения начальником Кл СВУ был генерал-майор Костров, командиром моей роты — подполковник Прохожаев, командиром взвода — майор Топорков, старшиной роты — старшина сверхсрочной службы Алферов, заместителем командира взвода — старший сержант Маслов.

Будем считать, что в Калининское СВУ меня перевели по блату, но чтобы не было скучно, вместе со мной по тому же «блату» перевели еще три роты моих товарищей. А всего за пять лет реорганизации «по блату» переместили 2410 суворовцев из восьми расформированных училищ в девять оставшихся.

Не знаю, были ли когда-то в суворовских училищах плохие командиры или плохие преподаватели. Мне за семь лет такие не встречались. А кадетские алые погоны с буквами «Кл СВУ» я храню по сей день.

После СВУ я поступил на второй курс Киевского высшего общевоинского командного дважды Краснознаменного училища имени Фрунзе — его как раз только что перевели из Одессы в Киев. История тут вот такая. В Киеве военных училищ было много. Среди них — одно с очень скромным именем ККТУ — Киевское командно-техническое училище. В названии не присутствовало даже слово «военное». Но если училище командное, то уж ясно, что оно не гражданское. Курсанты носили танковые эмблемы, командовал училищем генерал-майор артиллерии Мухачев. А готовили там офицеров Ракетных войск стратегического назначения для службы в частях и соединениях, вооруженных изделиями 8К63, 8К64 и 8К65, то есть стратегическими ракетами средней и межконтинентальной дальности. Товарищ Хрущёв сделал упор на ракеты и развернул мощную систему подготовки командных, инженерных и технических кадров, но вскоре выяснилось, что такое количество офицеров Ракетным войскам стратегического назначения не нужно. В 1965 году ККТУ произвело последний выпуск «танкистов» и было закрыто.

А в это время Одесскому высшему общевоинскому командному училищу стало тесно в родных стенах. Тесно стало потому, что там кроме советских офицеров готовили еще борцов национально-освободительных движений. Сейчас весь мир борется

с международным терроризмом. Но прежде чем с международным терроризмом бороться, его следовало создать. Вот его и создавали в Советском Союзе усилиями разных организаций и ведомств. К этому важному делу приложило руку и Главное разведывательное управление Генерального штаба (ГРУ ГШ). Идея была простая: поднять народы Азии, Африки и Латинской Америки на борьбу с капиталистами, прежде всего — с американскими. Потом этим очень важным вопросом серьезно занялись американцы и британцы. Идея была тоже очень даже простая: поднять мусульман против Советского Союза. И их поднимали — кормили, поили, учили, снабжали оружием и деньгами, перебрасывали в Афган...

Теперь общими силами успешно боремся с этим вселенским злом. Но начиналось распространение этой заразы из нашей страны.

В то время высших общевоинских командных училищ было семь. Все они имели свои особенности, свой уклон. Одесское ВОКУ отличалось от остальных тем, что находилось под негласным контролем ГРУ. Люди из ГРУ, не привлекая к себе внимания, присматривались к курсантам для того, чтобы в грядущем расставлять некоторых выпускников по всем этажам военной разведки. Ни курсантам, ни командирам низшего и среднего звена об этом знать не полагалось. Большинство выпускников продолжало службу в мотострелковых и танковых подразделениях и частях, не имея никакого отношения к военной разведке.

Одновременно ГРУ готовило в Одесском ВОКУ бойцов национально-освободительных движений, а проще говоря, — террористов из стран Азии, Африки и Латинской Америки. Для них был особый факультет. К середине 60-х годов этих борцов стало столько, что одного факультета уже не хватало. Да и контакт советских курсантов с братьями по классовой борьбе был нежелателен. Потому было решено отдать «братьям» все училище, а советских курсантов перевести куда-нибудь в другое место. Куда же? Да вот же в Киеве место освободилось! Так Одесское высшее общевоинское командное училище летом 1965 года стало Киевским, разместившись в городке, который освободился после расформирования ККТУ. Прибывшие из

Одессы курсанты были совсем не рады такому повороту судьбы. Они писали на стенах: «Лучше Одесса с триппером, чем Киев с каштанами».

В тот самый момент, в августе 1965 года, я поступил в Киевское ВОКУ. Готовили там серьезно. Окончил с отличием. Освобождал Чехословакию от тлетворного и пагубного влияния капитализма. По возвращении получил назначение в 145-й гвардейский Будапештский орденов Суворова и Богдана Хмельницкого учебный мотострелковый полк 66-й гвардейской Полтавской Краснознаменной дивизии Прикарпатского военного округа. Назначение в учебную дивизию было в наше время поощрением и повышением. В линейных частях взводному потолок — старлей, ротному — капитан. В учебных частях взводный — капитан, ротный — майор. И должностные оклады в учебных частях и соединениях были выше. Полк мой именовался мотострелковым, но готовил сержантов для разведывательных подразделений и частей мотострелковых и танковых дивизий Прикарпатского военного округа и двух групп войск, Центральной и Южной, то есть для советских войск в Чехословакии и Венгрии.

Подготовка была, мягко говоря, свирепой. В то время главной задачей разведывательных подразделений и частей в бою был поиск и уничтожение ядерного оружия противника и средств его доставки. Разведывательные подразделения, обнаружив в тылу противника ядерный фугас, ракетную батарею или 203-мм самоходную гаубицу, были обязаны сообщить об этом в штаб и атаковать, каковы бы ни были их шансы на успех. Наши вероятные (и маловероятные) противники это понимали, потому уже в мирное время предпринимали меры по охране и обороне особо важных объектов. На это Советская Армия отвечала усилением разведывательных подразделений. Ранее главной ударной силой разведывательных батальонов мотострелковых и танковых дивизий были плавающие танки ПТ-76. При мне их заменяли на Т-55 и Т-64.

Служба в учебке медом не казалась. Учебная дивизия в любой момент по тревоге разворачивалась в боевую. Тревог таких хватало. Потому у всех нас было как бы сразу две службы в одно время: и подготовка сержантов, и сохранение мобилизационной

готовности соединения. Но это не все. После выхода дивизии по тревоге на месте оставался второй комплект вооружения, боевой техники, транспорта, боеприпасов и так называемое «ядро» (то есть группа офицеров) для приема резервистов и развертывания дивизии второго формирования. За время службы мне пришлось побывать как в первом составе, так и в «ядре».

Я быстро убедился, что власть наша родная зря денег никому не платит и воинскими званиями на халяву не балует. Служба осложнялась не в последнюю очередь нехваткой командных кадров. Из дивизии постоянно забирали офицеров в длительные зарубежные командировки — на Кубу, в Египет, в Сирию, во Вьетнам и еще черт знает куда. Но был приказ министра обороны: должности убивших в длительные командировки не занимать. Должности оставались вакантными, но работу за убивших кто-то должен был выполнять. В моем батальоне, например, не было начальника штаба — он воевал в Африке, и нового прислать на это место не могли. Потому командир первой роты временно (три года) выполнял его обязанности. Но если на месте нет ротного, командир первого взвода работал за него. А в полку не было начальника разведки. По той же причине. Потому один ротный выполнял его обязанности...

Курс подготовки сержантов — полгода. Получали новобранцев эшелонами и через шесть месяцев, присвоив лычки приказом командира дивизии, отправляли в войска. Сдал экзамены — младший сержант, сдал на «отлично» — сержант. Готовили разведчиков по существу к самоубийственным действиям, но гибелью разведывательных групп обеспечивали выживание главных сил.

В 66-й гвардейской учебной мотострелковой дивизии я сделал четыре отличных выпуска. Следующая ступень служебной лестницы — разведывательный отдел штаба Приволжского военного округа. Куйбышев был секретной резервной столицей Советского Союза. Штаб округа — на берегу Волги, а за ним грандиозная площадь. Говорят, одна из самых больших в Европе, если не в мире. Под той площадью, как все мы теперь знаем, был тайный командный пункт товарища Сталина, в сравнении с которым командные пункты Гитлера и Чёрчилля выглядят очень даже не солидно и не серьезно.

Кстати, о Чёрчилле. Давайте послушаем, как это имя произносят британцы. На мой взгляд, в этом имени звучит «ё». Зря мы эту букву забываем, зря из языка выбрасываем. Наш язык и так обеднён за последние десятилетия. А в этой букве столько мягкости и нежности, которой так не хватает нашим чёрствым душам.

И если уж об этой красивой букве речь зашла, то давайте подумаем над тем, почему наш добрый народ норовит все время расставить точки над «и», которые вовсе расставлять не нужно. И почему наш народ точек над «ё» расставлять не спешит? Кроме как свойствами загадочной русской души такие вещи мне объяснить не удастся.

Но вернемся к запасной столице.

При Хрущёве и Брежневеве роль Куйбышева как секретной резервной столицы страны сохранялась. Потому штаб Приволжского военного округа тайно нес дополнительную нагрузку — в случае обострения международной обстановки тут разворачивались запасные командные пункты Ставки Верховного Главнокомандующего и Генерального штаба, а также стратегический узел связи. В коридоре разведывательного отдела штаба Приволжского военного округа судьба столкнула меня с той, о ком в «Аквариуме» я упомянул в одной лишь строке, — со звонкой девочкой из группы контроля.

После года службы в этом штабе — три года Военно-дипломатической академии Советской Армии, четыре года работы в агентурном добывании и уход.

Разоблачители ищут — и находят — несоответствия в биографиях Виктора Суворова и Владимира Резуна.

Зря стараетесь, граждане, — соответствия и не должно было быть. Если бы я точно назвал имена, места и даты, это было бы подлостью по отношению к моим товарищам, сослуживцам и командирам. Потому я сместил повествование по месту и времени, изменил имена. В своих книгах я совершенно сознательно работал «на понижение».

В «Освободителе» и «Аквариуме» Виктор Суворов — колхозный шоферюга, который на базаре торгует арбузами и тревит

Днепр ядовитой мерзостью, а Владимира Резуна с 11 лет готовили в особых военных учебных заведениях.

Виктор Суворов поступил на первый курс Харьковского гвардейского танкового командного училища, а Владимир Резун — сразу на второй курс Киевского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища имени Фрунзе.

Виктор Суворов служил в штабе Прикарпатского военного округа, а Владимир Резун — в штабе Приволжского, в секретной запасной столице Советского Союза.

Виктор Суворов попал в номенклатуру Центрального Комитета старшим лейтенантом, а приткий Резун — еще лейтенантом, побив все рекорды.

В «Аквариуме» я одной строкой упомянул о звонкой девочке из группы контроля, а в жизни Резуна дело этим не ограничилось.

Всем выпускникам Первого факультета Военно-дипломатической академии положен еще как минимум один год подготовки в разных управлениях ГРУ. Через тот год прошел и Виктор Суворов, а в реальной жизни я попал на боевую работу за рубежом самым первым из всего выпуска, минуя этот год дополнительной подготовки.

Виктор Суворов работал в Вене — во втором по значению центре мирового шпионажа, а Резун — в Женеве, в первом центре, в главной его столице.

В «Аквариуме» у меня один Навигатор, а в настоящей жизни сменилось три резидента: два умных, третий — не очень. Когда через несколько лет после всего случившегося этот третий умер, никто из ГРУ не пришел его хоронить, хотя был он генерал-майором. Его люто ненавидели все — и начальники, и подчиненные. Полосатые штаны он заработал только потому, что брат его был помощником у товарища Брежнева. Этот умник в генеральских штанах рос в высоких кабинетах Москвы, и его первая должность за рубежом, высшая из всех возможных, — резидент ГРУ в Женеве. Он провалил все, что можно было провалить. Его образом я не стал поганить свою книгу. И настоящих причин ухода никогда не объяснял.

Виктор Суворов бежал один и из Австрии, Владимир Резун — с женой и малыми детьми и из Швейцарии.

Я к чему? К тому, что и «Рассказы освободителя», и «Аквариум» были написаны и опубликованы во времена товарищей Брежнева и Андропова, когда союз нерушимый республик свободных был велик и могуч, когда мало кто верил, что скоро его не станет. «Аквариум» — не обо мне, не о моих похождениях, а о том, как работает военная разведка от батальона и выше, до самых важных резидентур. И было два у меня пути.

Первый: назвать всех, с кем выпало служить, по именам, и поломать много судеб.

Второй: изменить все имена, начиная с собственного, сдвинуть действие во времени и пространстве. Особую осторожность проявил, когда речь шла об агентуре. Прошу заметить, после моего ухода не было ни одного шпионского процесса. Никто не был арестован и осужден.

Может быть, плохо работал и ничего не знал?

Того, кто в стратегической агентурной разведке плохо работает, выгоняют после первого года. Я же отбыл полный срок командировки, все три года. В виде исключения был оставлен на четвертый год, в виде особого исключения — на пятый.

Чтобы никому не причинять неудобств, назвался чужим именем и решил псевдоним никогда не раскрывать. Меня впервые раскрыл начальник ГРУ генерал-полковник Е.Л. Тимохин:

Псевдоним «Суворов» взял себе бывший майор Резун Владимир Богданович («Красная звезда», 29 апреля 1992 года).

И вот теперь критики укоряют меня: надо же было сдать всех, кого знал! Надо было всех назвать настоящими именами, точно привязать действие к месту и времени, чтобы легко было вычислить не только тех, кто был рядом, но и тех, кто далече! И следовало раскрыть явки, имена, пароли! Особенно подробно и ярко подобало иностранную агентуру высветить, чтоб всех повязали и посадили!

Спасибо за совет, дорогие товарищи. Но в этой жизни я иду только тем путем, который выбрал сам.

Теперь о главном.

А что для меня главное?

Главное — «Ледокол».

В Советском Союзе изучение Великой Отечественной войны запрещалось и преследовалось. Песни задушевные о войне петь — это пожалуйста. Уродливую бабу в Сталинграде слепить — денег не жалко. А то, что бетон через пару десятков лет растрескается и статуя на рукотворном кургане неизбежно накренится и просядет — это никого не волновало. Давай бюджет сейчас, а проблемы пусть грядущие поколения решают. Так вот: государство наше родное возводило циклопических идолов на курганах, денег на то не жалело, чтобы патриотизм подстегнуть (и бюджет распилить), а к архивам военных лет доступ намертво закрыло. Это и привлекло мое внимание. Война вроде бы и Великая, вроде бы и Отечественная, да только в детали вникать не рекомендуется. Что-то там прячут. Интересно, а что именно?

Сию в академии на лекции, мне матерый волк агентурного добывания объясняет, какие признаки разведчик должен искать для того, чтобы определить, готовит супостат нападение или нет. Среди этих признаков: противник подтягивает к границе штабы и командные пункты, узлы связи и стратегические запасы топлива, боеприпасов и инженерного имущества, разворачивает аэродромную сеть... А следующую лекцию другой полковник читает о нашей вопиющей глупости 1941 года: ничего не соображающие сталинские генералы и маршалы подтянули к границе штабы и командные пункты, узлы связи и стратегические запасы топлива, боеприпасов и инженерного имущества, развернули аэродромную сеть. Одновременно строили в западных районах страны 254 аэродрома! Да с бетонными полосами! Завезли туда топливо, продовольствие, бомбы, землянок нарыли, палаток наставили, немцы пришли на все готовенькое: на складах картошка тоннами, капуста в бочках, в санчасти — бинты, даже и бомбы советские немцам сгодились, самолету один черт, какие бомбы под него вешают. Не было бы этих аэродромов — не было бы немецким летчикам такого раздолья в нашем небе, особенно в распутицу.

И все мы смеялись над глупостью товарища Сталина и его генералов. Над нами до сих пор весь мир смеется. А смеяться не надо. Не для Гитлера и его асов те аэродромы готовили, а для внезапного удара по Гитлеру. И ничего в том нет зазорного. Это же Гитлер!

Не надо семь пядей во лбу иметь, чтобы сообразить: Сталин готовил нападение. А уяснив это, можно брать любой аспект подготовки страны к войне, и мы невооруженным глазом увидим доказательство этому простому предположению. Вот были в мирное время подготовлены партизанские отряды — их разогнали прямо перед войной. Почему? Да потому, что готовились воевать на чужой территории. Наготовили невероятное количество парашютистов, которые в оборонительной войне вовсе не нужны. Зачем? Да все затем же.

Множество вопросов в своих книгах я не рассматривал — тема-то неисчерпаемая. Но возьмите любой непонятный вопрос, и «Ледокол», как золотой ключик, вам ответ откроет.

А мне говорят: в настоящей науке действуют не так — собирают факты, анализируют их, потом выводы делают. А у тебя наоборот: сначала вывод сделал, а потом этим выводом щелкаешь как орешки любые факты. Это не научный подход!

Это и впрямь подход не научный. Это подход разведывательный — усечь какую-то мелкую странность, какой-то пустячок. Вот веточка на тропинке поломанная. Отчего бы вдруг? Найти этому странному факту объяснение, а уж тогда станет понятно и все остальное. Кстати, так не только разведка действует. Про Шерлока Холмса книжки читали? Вот! Этот самый Холмс тоже внимание обращал на какие-то странные соринки, травинки и пятнышки, находил логику в вещах на первый взгляд нелогичных, и тогда все остальные факты становились понятными.

Аналитик военной разведки работает как следователь. Никто ему логику событий раскрывать не будет. В том его работа и заключается, чтобы логику эту найти. И сейфов перед разведчиком никто распахивать не станет. Кстати, и перед историком — тоже. Потому историк и разведчик — смежные профессии. Их задача — в хранилища тайн проникнуть. А если не выходит к бумагам тем доступ получить, тогда остается только вычислить

те тайны, которые в сейфах и хранилищах прячут. Постигание тайн истории — это разведка прошлого. И храбрости историку требуется никак не меньше. Рискует он жизнью, как и разведчик: голову ведь могут оторвать. Или еще что-нибудь.

Но если вникнуть глубже, то придется согласиться: в науке неисчислимо количество методов. Главное — чтобы они приближали нас к истине. Вот пример: нашел исследователь кость неизвестного допотопного зверя, прикинул, к какой части скелета эта кость относится, какие кости должны с ней соседствовать, какой формы, какого размера они должны быть. Имея перед собой одну только кость, человек восстановил весь скелет из тысяч недостающих косточек. Он их «вычислил»! Через сотню лет почти целый скелет такого же динозавра нашли, сопоставили с реконструкцией столетней давности, изумились точности, сняли шляпы в знак почтения. Вот это и есть настоящая наука.

Мне говорят: пишешь о войне, а где подтверждающие документы?

Отвечаю: динозавры после себя документов не оставили. Только косточки. Разве этого достаточно, чтобы сомневаться в их существовании? А вот пример ближе. Президент США Джон Кеннеди был убит. Убийство кто-то готовил. Но где документ? Документа нет. Разве из этого следует, что убийство было совершено без всякой подготовки?

«Ледокол» я сел писать в первую же после ухода ночь. Думал уложиться в одну статью. Написал ее, но сообразил, что для ее понимания надо написать еще две поясняющих статьи, а для их понимания — еще четыре. Статьи множились, превращаясь в главы, однако надо было на что-то жить. Пришлось, не прекращая работы над главной темой, на первый план выдвинуть другую. За несколько месяцев написал «Рассказы освободителя». Для этого не надо было составлять картотеки, собирать заново сведения о дивизиях и корпусах, о генералах и маршалах, перечитывать книги отрочества и юности.

«Рассказы освободителя» — о том, как был я курсантом, как сидел на гауптвахте, как чистил генеральские сортиры, как

стал офицером, как освобождал братскую страну, которая норовила с верного пути свернуть.

Найти литературного агента, издателя, переводчика, проверять перевод, редактировать, — все это требует времени, терпения и нервов. Книжка вышла только в 1981 году. Издатель настаивал, чтобы она была опубликована под моим настоящим именем. В этом случае книга гарантированно станет бестселлером. Для того были все условия: в нейтральной Швейцарии пропал советский дипломат Владимир Резун с женой и двумя детьми.

Дипломат — это не частное лицо, а официальный представитель своей страны. Исчезновение дипломата любого ранга — сенсация. Холодная война в самом разгаре. Две сверхдержавы противостоят друг другу по всему миру от Кубы и Чили до Египта и Сирии, от Индонезии и Вьетнама до Чехословакии и Германии. В любой момент может возникнуть обострение с непредсказуемым исходом для всего человечества. Такое уже не раз бывало. А переговоры о ядерных зарядах и средствах их доставки, о подводных лодках и противоракетной обороне, о танках и пушках идут в Женеве, в стенах Постоянного представительства СССР при отделении ООН.

И вот пропал не просто дипломат из какого-то посольства, а дипломат из этого самого Постоянного представительства СССР. И Форин Офис* заявляет, что беглому дипломату предоставлено убежище в Великобритании. Радио, телевидение, пресса в нетерпении и готовности: вот первые полосы газет, вот обложки журналов для фотографий, вот эфирное время в сводках новостей. Но беглец молчит. В прессе — самые невероятные версии случившегося. Все ищут объяснения, почему нет публичных выступлений с обличениями и разоблачениями. Высказывают предположения, что дипломатия для Резуна была только прикрытием какой-то тайной деятельности. Это еще интереснее. В прессе появилась даже робкая версия: а уж не из ГРУ ли он? Из КГБ много перебежчиков. А из ГРУ последний раз человек убежал 32 года назад, в 1946 году. Кроме того, из ГРУ был полковник Пеньковский. Но он не

* Форин Офис (англ. Foreign Office) — Министерство иностранных дел Великобритании.

убежал. Если этот из ГРУ, то... Издатели обращаются в Форин Офис — вот контракты, готовы купить книгу, если он вздумает ее писать. Платим сейчас, платим обильно, неважно, что будет в той книге, главное — скорее, и чтобы на обложке было имя автора: Владимир Резун!

Но я так и не появился ни на экранах, ни на первых полосах газет. Никогда. Владимир Резун пропал навсегда. Я решил пробиваться в литературу не на гребне дешевой сенсации, а, так сказать, «на общих основаниях», и найти путь к читателю не именем на обложке, а содержанием книг. Потому начал с нуля: вот книга автора, которого никто не знает. Пробиться оказалось весьма непросто. После многих попыток, наконец, нашел издателя, который решил опубликовать книгу неизвестного автора о Советской Армии. И однажды он меня спросил: а ты, случаем, не Резун? И, узнав, что это так, возрадовался: да мы сейчас под настоящим именем! Да мы бестселлер предьявим миру! Но я не хотел никому доставлять неприятностей, потому твердо решил — только под псевдонимом. Но если так, то аванс будет мизерным, тиражи — уж как получится, никаких гарантий успеха.

Я стоял на своем: только под псевдонимом. Тогда встал вопрос: под каким? Издатель говорит: должно быть что-то русское, лучше в три слога и чтобы как-то было с армией связано, но чтобы читатель не знал, как именно это связано. Что-то где-то слышал, но не уверен.

Я говорю: Калашников! Он: нет, этого мы знаем. Да и слогов четыре. Короче надо. Я ему: Суворов. А это кто? — спрашивает. Да был такой — отвечаю.

Так и порешили. Я-то думал, один раз пошучу, а потом что-нибудь серьезное придумаю. До Советского Союза мои опусы все равно никогда не дойдут, а тут, в Британии, про Суворова знают не больше, чем про гениального полководца виконта де Тюренна, маршала Франции.

И вот один мудрый разоблачитель меня уел: пиши под своим именем или под псевдонимом, гонорар-то ведь все равно одинаковый! Вот оно, доказательство: не сам ты книжки пишешь!

Мил человек, псевдоним я выбирал только для первой книги — для той, которая про киевскую гауптвахту. Валера Симонов, мой хороший приятель по Киевскому высшему общевойсковому командному училищу, а впоследствии начальник разведки армии, вот что написал:

Лично я, читая книгу «Освободитель», был поражен, с какой точностью автор изобразил киевскую гарнизонную гауптвахту. Не скрою, самому мне пришлось там отсидеть в общей сложности пятьдесят с лишним суток. («Московская правда», 31 июля 1994 года).

Но если верить не моему другу, на порядок больше моего там отсидевшему, а разоблачителю, то выходит, что русский человек (с украинскими корнями), который там побывал и через это прошел, рассказать о своих впечатлениях не способен, и только мудрые британцы, которых там не было, которые генеральские сортиры не чистили, за меня смогли все это описать. Не иначе, что точность повествования достигнута не мной, а проникшей в те сортиры вездесущей британской разведкой.

И имя на обложке, гражданин разоблачитель, вещь не последняя. Под своим именем напиши — одни гонорары, под псевдонимом — совсем другие. Не понимать это может только тот, кто никогда не имел дела с издательским миром. Так вот: имя автора (настоящее или псевдоним) часто важнее содержания.

В моем случае ситуация выглядела просто.

Существовала в мире великая сверхдержава по имени Советский Союз. Вожди сверхдержавы учили всех, как надо жить, танками навязывая свой порядок, но в собственной стране не могли обеспечить население одеждой и обувью.

Сверхдержава бесплатно завалила мир танками Т-54, пулеметами Владимирова и автоматами Калашникова, ракетами С-75 и гранатометами РПГ-7, но была не способна себя прокормить.

Сверхдержава помогала всем, от Анголы и Эфиопии до Мозамбика и Ливии. Но эта сверхдержава была не способна построить жилье для своих офицеров.

Сверхдержава первой проложила дорогу в космос, но никак не могла обеспечить свои школы теплыми сортирами, а родильные дома — горячей водой.

Ради победы коммунизма на Кубе сверхдержава чуть было не ввергла мир в ядерную катастрофу.

Сверхдержава держала своих кормильцев в колхозах, не давая им внутренних паспортов, чтобы не разбежались, и вела упорную борьбу за свободу угнетенных народов Азии и Африки.

Сверхдержава не платила своим мужикам денег, а если потом и стала платить, то на эти деньги ничего невозможно было купить. И эта же сверхдержава каждый год вывозила сотни тонн золота в Америку в обмен на зерно: пусть американский фермер будет богат и счастлив, пусть купит себе дом, автомобиль и трактор.

Сверхдержава вела смертельную борьбу против капитализма, заявив на весь мир устами своего вождя: мы вас похороним! Но если сверхдержава похоронит проклятых капиталистов, то кто же ее будет кормить?

Так вот: из Генерального штаба этой сверхдержавы бежал офицер. И написал книгу о Советской Армии. Представьте, что издатель объявляет: вот его настоящее имя, вот фотография, вот биография. В этом случае интерес обеспечен. Успех книги в те годы, в той обстановке зависел только от имени на обложке.

А вот другая ситуация. Выходит та же самая книга о Советской Армии. Но об авторе известно только то, что зовут его, например, Македонский Александр Сергеевич. И читатель, и критики к такой книге, понятно, отнесутся с недоверием. И гарантировать успех в этом случае никак нельзя. Потому и аванс жиденький.

Я хотел, чтобы книгу оценили не по имени на обложке, а по содержанию.

И ее оценили. И она стала бестселлером.

После того ситуация изменилась на противоположную. Теперь читатель хочет новых книг, на обложке которых стоит это странное имя. Предложи издателю писать под другим

псевдонимом или даже под настоящим именем, а он уже не соглашается.

Пока «Освободителя» переводили, пока готовили к изданию, — а дело это долгое и муторное, — я сочинил вторую книгу. Новый псевдоним придумал, но издатель отрезал: поздно, братец, ты теперь знаменит под псевдонимом Суворов.

Вторую книгу назвал «Советская Армия: проблемы и решения». Издатель название отверг. Книга вышла под названием «Inside the Soviet Army» («В Советской Армии»). Книга эта была о самых простых вещах: о преимуществах сапога перед ботином, о том, почему советскими батальонами не всегда командуют подполковники, но бывают и майоры, а то и капитаны. Объяснял я самые элементарные вещи.

Над нами тогда смеялись. У русских есть калибр 76 мм. Были у них и зенитные, и корабельные, и танковые, и полковые, и дивизионные пушки этого калибра. А они, глупенькие, для СПГ-9 зачем-то новый калибр выдумали — 73 мм. Есть у них калибр 122 мм — это и гаубица, и танковая пушка, и самоходка на базе ИС-2, и корпусная пушка. А они зачем-то создают самоходную гаубицу того же калибра 122 мм, а для танков новый калибр выдумали — 125 мм! Где стандартизация? Где логика? Глупость, да и только. И хохот по обе стороны Атлантики эхом гремел.

Я в книге на этом и других примерах объяснил: нет, господа, все тут правильно, все логично. Это у вашей мамы дурные дети. Додуматься надо: в Западной Германии миномет 120 мм и танковая пушка 120 мм. Но ведь снаряды танковой пушки к миномету не подходят. Так зачем вам такая стандартизация? Она только путаницу порождает. Нужно в бою под грохот канонады заказать боеприпасы такого-то калибра, да потом еще орать в телефонную трубку, что именно имеется в виду.

Книга эту писал для людей военных, доказывая единственную идею: не надо нас считать дураками, не дурнее вас, господа. Почему-то эту книгу стали покупать не только военные, но и студенты, пенсионеры, школьники, домохозяйки. Книга стала не просто бестселлером, но «книгой месяца» в США. Это позволило мне одним махом рассчитаться со всеми долгами и

купить домик с мраморным камином. Теперь можно было всю жизнь вообще ничего не делать или делать только то, что нравится. А нравится мне книжки писать. После этого был «Аквариум», «Контроль», были другие книги.

Отдельная тема — многострадальная книга «Спецназ».

Ради чего она была написана? Отвечаю: многое в нашем родном Отечестве делается не так, как у людей. Не знаю, как бы это деликатно выразить... Одним словом, многое, если не все, делается у нас не через голову. Официально наша самобытность именуется красивым термином «особый путь развития». В соответствии с «особым путем» — когда делается не через голову — мы получили самую большую на планете территорию. И дичающий, спивающийся, деградирующий, равнодушный ко всему, в том числе к собственной судьбе, вымирающий народ.

Обратимся к потрясающим полотнам Верещагина «Смертельно раненый», «Нападают врасплох», «После удачи», «Представляют трофеи». Мы видим чудовищную войну в Туркестане, жестокую бойню, разбитых врагов и отрезанные русские головы. Кстати, на уроках истории это мы не проходили, это нам не задавали.

Зачем же нам Туркестан? И зачем отрезанными русскими головами те победы оплачивать? Нам места на земле не хватало?

Обратимся к великой русской литературе. Весь XIX век — война на Кавказе. О ней писали многие наши классики, от Лермонтова до Толстого. И ради чего десятками лет воевали?

Возразят: не мы одни. Испанцы тем же занимались, и португальцы, британцы и французы, потом немцы подтянулись, Бельгия с Голландией не отставали. Правильно. Но завоевав необъятные территории, колонизаторы использовали природные и человеческие ресурсы новых земель себе на пользу. А мы, присоединив соседние государства, следуя «особым путем», тут же начинали платить дань местным царькам.

Где же денег достать, чтобы кормить эту рать?

Как где? Содрать пять шкур с русского мужика. Так было при царях, так было и при генсеках: всевозможные узбекские и туркменские, грузинские и азербайджанские начальники жили

в царской роскоши, получали невиданные дотации, не принося покорившему их народу никакой пользы.

А ребятам в Кремле было мало. Им не терпелось больше земли прирезать, больше дани платить все новым нахлебникам. В деле расширения владений Советского Союза не последнюю роль играло Главное разведывательное управление Генерального штаба (ГРУ ГШ) и его ударные части — Спецназ.

С момента создания и почти до самого крушения Советского Союза термин этот был секретным. Спецназ был только в руках военной разведки. Это сейчас разнообразных «спецназов» развелось во множестве. А тогда не надо было уточнять: если Спецназ — значит, Спецназ ГРУ.

Про существование самого ГРУ тоже мало кто знал. В Грузии машины ходили с номерными знаками «ГРУ», и никого это не удивляло. Кстати, именно поэтому Штирлиц в «Семнадцати мгновениях весны» провожает пастора Шлага на машине с советским номером — белым по черному русскими буквами: «21–47 ГРУ». Случилось это потому, что освободители Европы в 1945 году везли трофеи из Германии, а потом трофеи почему-то осели на Кавказе. Для съемок фильмов немецкие машины времен войны арендовали у богатых кавказских владельцев, поленившись перед камерой поменять номера.

Но не будем отвлекаться.

Идея создания частей СпН ГРУ была вот такая: давайте отберем лучший человеческий материал — не просто самых физически здоровых, выносливых и крепких, но кроме того, — и это главное, — умных, способных, развитых, создадим из них мощные боевые соединения и бросим на захват все новых земель! А захватив территории соседей, обложим русский народ новым оброком и будем платить дань покоренным! И всем будет хорошо! И пусть на наши деньги все новые князьки и царьки возводят дворцы себе и своей челяди, пусть содержат гаремы, закупают звезд мирового футбола в свои районные команды и приглашают светил Голливуда на празднование своих маленьких юбилейчиков. И весь мир с содроганием будет смотреть на карту, видеть самую большую территорию и считать нас самыми сильными!

Я принципиальный противник превращения русского народа в кормильца и донора бездельников и нахлебников, я против выплаты дани, я против захвата все новых ненужных земель и оплаты этих захватов русскими головами.

Спецназ — лучшие боевые части Советской Армии, но предназначены эти части были для решения задач, которые прямо противоположны интересам русского народа. Вот почему я сообщил не кому-нибудь, а всему миру о существовании, структуре, вооружении и тактике этого любимого мною гибкого, сильного, хитрого и свирепого зверя. И совесть не грызет. Я действовал в интересах русского народа так, как эти интересы понимаю. Не нужен нам берег Турецкий, и Африка нам не нужна! И незачем нам кормить паразитов, особенно если мы не можем даже своих офицеров обеспечить жильем, а своих стариков — достойной пенсией.

Написал книгу, отдал британскому издателю, тот долго-долго сопел и пыхтел, не решаясь издавать. В Германии — та же история: книга почему-то никак не выходила. А потом вдруг она внезапно вышла в Лондоне. Я открыл — и был шокирован. Текст книги беспощадно сократили. Я — к издателю, а он объясняет: слишком длинно у тебя получилось, да и зачем о том, да об этом, зачем политической корректности вопреки в какие-то глубины лезть?

Основной удар длинных цензорских ножниц пришелся по психологии бойца, по способам выживания в экстремальных условиях, по тактике боевых действий, по методам добывания (вернее — выбивания) разведывательных сведений.

Немедленно все проблемы пропали и у немецкого издателя. Книгу он тут же издал, но в переводе с английского, даже и обложку ту же оставил: нам так было удобнее.

В это время в Польше поднималась мощная волна протестов, Самиздат процветал. У меня связи с подпольными польскими издателями не было, а они не могли меня найти. Потому, меня не спрашивая, польские подпольные издатели перевели эту книгу с немецкого...

Русских издательств за границами Советского Союза было много, я — к ним: граждане-господа, книгу в истерзанном виде

публикуют, но вот полная моя версия, берите бесплатно, только пусть выйдет весь текст!

Храбрых не нашлось. Ни на полный текст, ни даже на кастрированный. На русском языке книга никогда не выходила.

Потом Советский Союз рухнул. И разом все осмелели: давай!

А зачем? Чтобы узнать задач частей СпН Западной группы войск в предстоящих сражениях с войсками НАТО? Так ведь нет больше никакой Западной группы, и нет Германской Демократической Республики, на территории которой располагались армии, корпуса и дивизии ЗГВ. Нет больше ни Центральной, ни Южной, ни Северной групп войск. Там теперь суверенные государства, и все они нашими братьями больше не являются. Нет больше ни Прикарпатского, ни Прибалтийского, ни Белорусского, ни Киевского, ни Одесского военных округов. А ведь округ — это группа армий! В каждом округе была бригада СпН. Кроме того — в каждой общевойсковой и танковой армии — собственная отдельная рота СпН. Но рухнуло все.

Если бы книга до крушения Советского Союза вышла в полном объеме, то сейчас можно было бы сказать: это самое первое, что было опубликовано по данному вопросу, не судите строго, не ангел Божий писал, а человек, zelo незнанием преисполненный.

Но если не вышло тогда, то теперь возвращаться к прошлому нет смысла. Тем более что в одном вопросе я глубоко ошибся. Я предсказывал, что Советская Армия никогда не уйдет из Афганистана. Вводить войска в Афган было величайшей глупостью, но выводить — самоубийством. Вот уж действительно: вход — рубль, выход — два. Ведь все понимали: если войска из Афгана вывести, Советский Союз рухнет мгновенно. Потому я считал: оттуда не уйдут.

Но ушли. И ровно через шесть месяцев посыпался социалистический лагерь. С августа до декабря 1989 года весь «лагерь» распался. А через полтора года — и сам Советский Союз.

Во времена моей службы части СпН ГРУ не сделали ни одного выстрела на войне. А после моего ухода они ни на один день не выходили из боя. Потому у меня нет морального права что-либо о них сейчас писать.

Варианты книги «Спецназ», которые ходят в Сети, являются злым и безграмотным переводом с польского, который является вольным переводом с немецкого, который является переводом с английского, который является плохим переводом с изрезанного, извращенного, неполного русского оригинала.

В тексте из Сети возьмите самую первую фразу про какие-то «лопатки». Переводчик явно стремился унижить и осрамить наших славных ребят, представить дело так, что все это не серьезно, что речь о чем-то вроде песочницы на детской площадке.

Но нет в частях СпН никаких лопаток! Инструмент, который люди, не служившие в армии, по незнанию именуют «саперной лопаткой», носит другое название — лопата малая пехотная.

Весь остальной текст в том же духе — безграмотный!

К этим сочинениям я отношения не имею. Прошу за них меня не судить.

В 1985 году я завершил «Ледокол». Издательств тут много, но опубликовать книгу не удалось. Я поместил несколько фрагментов в газете «Русская мысль», в журнале «Континент» и в журнале Королевского консультативного института по вопросам обороны (Royal United Services Institute for Defence and Security Studies). Упорно искал издателя. Работу над книгой тем временем продолжал. Добавлял новые главы, переписывал старые. Книгу впервые удалось опубликовать на немецком языке в 1989 году, на английском — в 1990 году. На русском языке за рубежом «Ледокол» так никогда и не вышел. Брались некоторые, а потом заявляли, что надо бы стиль изменить. А то какой-то не научный.

Я им: а мне научного не надо. Книги для кого пишем? Правильно — для народа. Так вот и давайте писать тем языком, который нашему народу понятен и близок. Писать ученым языком ума не надо. Писать ученым языком любой академик способен. А вот вы попробуйте так написать, чтобы и школьникам, и домохозяйкам, и солдатам, и офицерам, и лесорубам, и музыкантам интересно было.

Совершенно преднамеренно я не стал свою теорию доказывать на поле академическом, не стал спорить с нашими высоколобы-

ми и мудрыми. Писал так, чтобы мысль моя дошла до широких народных масс, а уж они пусть высоколобым вопросы задают и требуют ответа.

Тем временем в Советском Союзе разбушевалась так называемая «гласность», под прикрытием которой архивные документы уничтожались тоннами. Журнал «Нева» опубликовал «Аквариум» и обратился ко мне: давай еще что-нибудь! Я им: так ведь не напечатаете. А они: давай, у нас свобода слова. Дал я им «Ледокол», и повисла тишина. Звоню через месяц: ну как? Отвечают, что здóрово, только вот даты нет такой, к которой публикацию можно было бы приурочить. Идут месяцы, подходит дата: пятидесятая годовщина начала Великой Отечественной войны! Звоню: ну так как? Понимаешь, отвечают, не можем же мы к такой дате ветеранов обижать.

После этого снова все замерло. Причина все та же: даты нет, к которой приурочить можно. А если просто так публиковать, то кто же это читать будет? Так никто и не решился, даже и после того, как рухнул Советский Союз.

Издавать «Ледокол» взялся Дубов Сергей Леонидович. Сомневался: каким должен быть тираж? Человек был осторожный, рисковать не любил, потому сначала сделал робкий заход — всего 320 тысяч. Потом сообразил, что мало, и пока печатали пробный тираж, добавил первый миллион.

А у меня других книг — полное лукошко. Пока «Ледокол» не начал писать, думал, что обойдусь одной большой статьей. Через много лет выяснилось, что и книги одной не достаточно. Для того, чтобы пояснить некоторые моменты в «Ледоколе», пришлось написать «День М» и «Последнюю республику», а «Последняя республика» в свою очередь растянулась на три книги.

Пришлось разрабатывать и параллельные темы, которые возникали по ходу дела. Мне твердили: да не могли эти русские такое замышлять, они же к войне были совершенно не готовы. На это решил ответить мощной статьей: да вы на Гитлера посмотрите! На его воинство, на готовность к войне. Статья, как только сел ее писать, тут же разрослась в книгу «Самоубийство»: дури в гитлеровском государстве и в армии было никак

не меньше, чем у нас. Написав книгу, сообразил, что тема только вскользь затронута. Будет время — я к ней вернусь.

Критики не унимаются: не мог Сталин нападение готовить, он же сам свою армию обезглавил. На это решил ответить мощной статьей, которая вылилась в книгу «Очищение»: любуйтесь на Тухачевского и подобных ему «гениев». И эта тема оказалась бездонной. Я ее только приоткрыл. Может быть, и к ней вернусь. Нет времени на все, другая проблема горизонт затмила: уж такой у нас гениальный был полководец по фамилии Жуков, уж такой талантливый... Пришлось и на это откликнуться статьей, которая потребовала двух пояснительных статей, которые потребовали... В итоге сейчас у меня о Жукове только две книги — «Тень победы» и «Беру свои слова обратно». Но уж до него я однажды снова точно доберусь.

Вот уже четверть века «Ледокол» опровергают, казалось бы, зубодробительным аргументом: один человек не мог такое написать, тут работала группа экспертов из британской разведки.

Прием старый. Приему этому много сотен лет. Когда ребятам из Святейшей Инквизиции — тем самым, у которых холодные сердца и горячие головы, — нечем было крыть, они объявляли: да это не ты писал, твоей рукой водил Дьявол! Вот и все. И поди докажи, что это не так. Тем этот ход хорош, что позволяет сразу уйти от обсуждения существования вопроса: это творение Дьявола, о чем еще спорить?

Так вот, использование аргумента про британскую разведку — проявление трусости и попытка увернуться от обсуждения действительно важных вопросов. Я вот уже скоро тридцать лет требую: выставляйте же группу экспертов против меня, сшибемся перед телекамерами, а народ рассудит.

Но ни министр обороны, ни начальник Генерального штаба, ни президент Академии наук, ни вышестоящие вожди пока на сей призыв не откликнулись. И не откликнутся никогда. Потому, что их точка зрения не логична и глубоко аморальна. Они отстаивают два взаимоисключающих постулата.

Первый: Красная Армия спасла Европу от нацизма.

Второй: Советский Союз был верным союзником Гитлера, никогда на Германию нападать не стал бы, никого освобождать не собирался и не замышлял.

Зачем это делается? Зачем вожди и их идеологическая обслуга с остервенением доказывают недоказуемое? Да затем, что надо разворовать остатки былой мощи и богатства страны, но воровать у людей умных не просто. Потому их нужно одурачить. И вот результат: десятки миллионов дружно повторяют: Советский Союз освободил Европу от коричневой чумы, но освобождать не хотел, да и был на это не способен, потому что был к войне совершенно не готов.

Дружба и сотрудничество с Гитлером, соучастие в его преступлениях, поставки стратегического сырья, без которого ведение войны и захват Европы были невозможны, — это наш национальный позор. Я поломал свою судьбу, изломал судьбу родным, друзьям, близким ради того, чтобы доказать стране и миру: союз с Гитлером был тактическим приемом, отвлекающим маневром. А стратегический замысел Сталина — разгром Германии и освобождение Европы от коричневой чумы. Быть другом Гитлера — срам и запредельная мерзость. Напасть на Гитлера — дело святое. Заявляя это, я спасаю честь своей страны, народа и армии. Об этом все мои книги.

Написать книгу за кого-то легко. Но написать хорошую книгу за кого-то невозможно.

С ранней юности, еще когда сочинял историю о механическом коте, я пытался разрешить загадку: а что же это такое — хорошая книга? Каким требованиям она должна удовлетворять?

Долго думал, мудрил, размышлял и вот к чему пришел.

Позвольте поделиться: на мой взгляд, хорошая книга должна удовлетворять только одному требованию — она должна быть интересной.

Возрают: да как же так! Она ведь еще должна быть и мудрой, и толковой, и содержательной, познавательной, зовущей, мобилизующей, вдохновляющей, душевной. Еще кучу нам разных требований вывалят.

Возразим на возражения: если книга интересная, разве этим не сказано все? Разве этим не исчерпаны сразу все возможные характеристики? Разве к этому надо что-то добавлять?

Ну давайте же рассудим. Если книга интересная, то может ли она к тому же быть еще и дурацкой? Если интересная, то может ли быть бестолковой? Бессодержательной? Пустой? Бездушной?

Интересная книга всегда и умна, и толкова, и познавательна, и душевна.

Но как же ее такой сделать? Говорят, что надо вложить в свое творение кусочек души.

Нет, граждане! Не обольщайтесь! Кусочка не хватит!
Не жлобствуйте! Не жмитесь! Не жадничайте! Не скупитесь!
Вкладывайте ее всю! Целиком! Без остатка!

А как же потом? Если всю душу вложишь, с чем же останешься?

Успокойтесь, скептики, циники и пессимисты. Она же бессмертна. Вложите душу в свое творение, от вас не убудет. Наоборот, душа ваша после того станет выше, шире, глубже и чище.

Интересно, а что проще: интересную книгу сочинить или снять интересный фильм?

Тут двух мнений быть не может. Чтобы снять интересный фильм, нужно вложить душу и деньги. А для книги достаточно одной только души. Согласимся: пузырь чернил, перо из гусиного хвоста и папирус — не такие большие расходы. По большому счету — инвестирована одна только душа.

И это все?

И это все.

Но и тут не так все просто. Не каждый способен душу свою обнажить и выложить. Да не у каждого она и есть. Некоторые, может быть, и хотели бы ее выложить, да не могут по причине ее полного отсутствия. Потому-то хорошую книгу встречаешь отнюдь не каждый день. Именно поэтому хорошую книгу за кого-то написать невозможно. Свою душу в чужую обложку не втиснешь.

И когда у моих противников иссякают аргументы, они начинают сочинять обо мне грязные и мерзкие лживые истории. Меня это расстраивало. Но судьба в подруги жизни послала звонкую девочку из группы контроля. Тут ее иногда спрашивают: у вас такой красивый акцент, вы, наверное, шведка? Да, — отвечает, — шведка, из-под Полтавы. Эта мудрая женщина, с которой мы недавно справили Рубиновую свадьбу, меня однажды успокоила: пусть говорят! Пусть громче говорят! Пусть кричат, визжат и вопят! Это же свидетельство того, что возразить им нечего. Это — признание.

*Виктор Суворов, он же Владимир Резун
21 августа 2011 года*